ИСПЫТАТЕЛИ

ИСПЫТАТЕЛИ

Пермь 2009

Воронцов Г. А., Фотин В. Ф.
Испытатели. – Пермь, 2009. – 96 с., ил.

© Г. А. Воронцов, 2009
© В. Ф. Фотин, 2009

ОТ АВТОРА

Тот, кто будет читать эту книжку, наверняка обратит внимание на заголовок. Он, на мой взгляд, полностью отражает работу, которой я и мои товарищи посвятили многие годы своей жизни. Работа эта была непростой, порой довольно опасной, но, как и в любой другой, в ней присутствовали и обычные человеческие эмоции, случались курьёзные ситуации. Изобиловала она и встречами, многие из которых остались в памяти.

Материалы, написанные мной, имеют подзаголовок «Мои испытания». Это не случайно. Конечно, я рассказываю об изделиях завода, об их важности для обороноспособности страны. Но вместе с испытаниями орудий, испытывались на прочность и люди, которым было доверено это серьёзное дело. Я благодарен судьбе, за то, что она дала мне возможность пройти эти испытания и выдержать их.

Подбирая материалы для книги, я не стремился к доскональному описанию нашей работы. Мной двигало желание рассказать о том, каким было время, в котором мы жили, какими были люди и их отношение к работе. Вместе с тем мне хотелось, чтобы сегодняшний читатель знал, что представлял собой наш завод, какое место он занимал в промышленном производстве страны. Но самое главное, я очень хотел рассказать о моих товарищах, об их самоотверженном труде, об их мастерстве и творческом потенциале.

Должен отметить, что мы работали в условиях строжайшей секретности. В годы, о которых идёт речь, мало кто знал о перипетиях нашей деятельности. Сейчас о многом можно говорить. И потому в этой книге есть воспоминания В.Ф.Фотина, которому довелось поработать с нашей военной техникой даже за рубежом.

Я бесконечно признателен моим коллегам за то, что они поддержали саму мысль о публикации этих воспоминаний. Думаю, им, как и мне, дороги минувшие годы. Да иначе и быть не могло:

мы гордились своей причастностью к большому делу. И мы знали что наш труд необходим Родине.

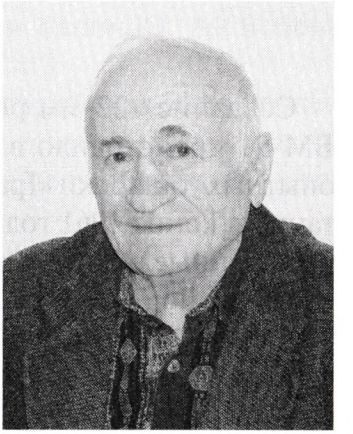
Книжка появляется в сложное в финансовом смысле время. И если бы не добрая воля моих друзей, она вообще могла бы не появиться. Поэтому хочу выразить самую искреннюю благодарность всем, кто оказал посильную помощь в реализации этого проекта:

БУКАНОВУ Виктору Васильевичу,
ВОРОНЦОВУ Сергею Геннадьевичу,
ЖАРЕННИКОВУ Владимиру Сергеевичу,
ЗАХАРОВУ Анатолию Михайловичу,
ЗУЕВУ Владимиру Валентиновичу,
КАРАВАЕВУ Владимиру Александровичу,
КОСТИНУ Юрию Петровичу,
ЛАПТЕВУ Юрию Петровичу,
МАРГИНУ Юрию Евгеньевичу,
МЕЛЕНТЬЕВУ Александру Сергеевичу
МИЩЕНКО Борису Ивановичу,
НИКИФОРОВУ Леониду Романовичу,
ПЕПЕЛЯЕВУ Александру Ивановичу,
ПРАЗДНИКОВУ Николаю Николаевичу,
ТАРАСОВУ Александру Леонидовичу,
ТИРСКИХ Владимиру Фёдоровичу,
ФОТИНУ Владимиру Фёдоровичу,
ШВАРЁВУ Рафаэлю Яковлевичу.

Благодарю за содействие и коллектив редакции заводской газеты «Мотовилихинский рабочий», взявший на себя редактирование, макетирование, вёрстку, корректуру и композиционное оформление издания, его полиграфическое исполнение.

Спасибо вам всем, товарищи!

Геннадий ВОРОНЦОВ.



Геннадий ВОРОНЦОВ

МОИ ИСПЫТАНИЯ

Создание 122-мм реактивной системы залпового огня БМ-21 происходило в 50-х годах прошлого столетия. Две опытных установки «Град» успешно прошли заводские испытания в конце 1961 года, а 1 марта 1962 года начались государственные полигонно-войсковые испытания на полигоне «Ржевка» под Ленинградом, которые показали потрясающие результаты. Военные обратились в Правительство с ходатайством о срочном серийном производстве этой системы. Постановлением Совмина от 28 марта 1963 г. она была принята на вооружение.

На нашем заводе её серийное производство началось в 1964 г. Ведение конструкторской документации было поручено КБ СКО во главе которого в то время стоял В. Н. Ан-

Коллектив цеха №9 на демонстрации, 7 ноября 1967 г.

фёров. Ведущими конструкторами были Ю. А. Вебер, Б. И. Бячков, Г. Н. Суханов.

Появление этого грозного оружия в войсках было продемонстрировано на параде военной техники в Москве на Красной площади 7 ноября 1964 года первой десяткой этих машин производства нашего завода.

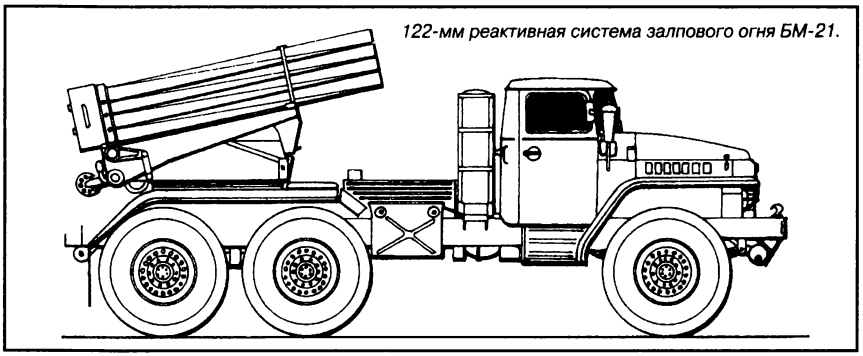
Боевое крещение «Град» получил в марте 1969 г. у острова Даманский в ходе военного конфликта между СССР и КНР. Залпами батареи БМ-21 остров был практически стёрт с лица земли.

Интересна и ещё одна разработка, сделанная на базе БМ-21 тульским КБ: установка 9П132 «Град-П», получившая название «Партизан». Система имела одну трубу, весила 55 кг, легко разбиралась и могла транспортироваться по бездорожью: предназначалась-то она, в основном, для наших северо-вьетнамских друзей, втянутых в военный конфликт с США. На вооружении Советской Армии эта система не состояла.

В 1967 году завод освоил производство 122-мм корабельного комплекса А-215 «Град-М». Устанавливался он на военно-морских судах и предназначался для уничтожения береговой обороны противника при высадке десанта

Весь процесс производства труб на механическом участке имел полный производственный замкнутый цикл – от заготовки до готового изделия. Каждая операция выполнялась на своём, определённом технологическим процессом, месте. Это было практически поточное производство, состоящее из фрезерных, токарных станков, сварочных полуавтоматов,

Установка 9П132-«Град-П» («Партизан»).


122-мм реактивная система залпового огня БМ-21.

вертикальных электропечей, в которых проводилась термокалибровка труб и множества слесарных операций.

На каждой операции были свои «асы». Отсутствие в бригаде одного из них приводило к срыву работы всей цепочки производства.

Специалистов той или иной профессии я подбирал сам. Так, на операции по закрутке трубы под установку ведущего полозка необходима была сила. На неё я пригласил штангистов и борцов вольного стиля из спортклуба «Молот». Одним из них был Анатолий Быков. На операцию приварки диафрагм взял Сашу Мочалова и Анатолия Пасхина: это были классные электросварщики. Фрезеровщиком диафрагм был бывший фронтовик, орденоносец Дмитрий Фёдорович Озорнин. Хорошую память о себе оставил в цехе практикант из механического техникума им. Н. Г. Славянова Валерий Рылов. Я уговорил его перейти на вечернее отделение и поставил фрезеровщиком к Д. Ф. Озорнину. Валерий быстро освоил азы профессии и стал полноценной заменой своему учителю.

Производство труб для всех видов реактивных систем доставляло немало хлопот не только исполнителям, но и руководству завода. Увеличению объёмов выпуска РСЗО придавалось огромное значение, и государство не жалело на это средств. Наше предприятие частенько посещал ми-

нистр оборонной промышленности С. А. Зверев. Во время одного из визитов он побывал и на моём участке. Ознакомившись с нашей работой, он спросил И. Д. Галимова о возможности увеличения выпуска труб для системы «Град-П». Дескать, это оружие очень просят вьетнамцы. Ильяс Даутович в сердцах сказал: «Мало ли чего они хотят!». И тут же выложил министру все проблемы, с которыми нам ежедневно приходится сталкиваться. Как потом рассказывал Галимов, этот разговор имел серьёзные последствия: заводу были выделены средства на строительство цеха № 31 и корпуса «М».

Так как мой участок был сборочно-сварочным, то на нём изготавливалась вся артиллерийская часть установки «БМ-21». На сборке в то время работали классные специалисты В. И. Баранов, А. И. Трубин, В. А. Вшивков, Н. В. Пирожков, Г. А. Чудинов, С. А. Анфёров. В моей благодарной памяти навсегда остались Александр Мухаметов, Нина Карпова, Георгий Могильников, Володя Худеньких, Юля Чурилова, Иван Улитин, Владимир Баршевский и Владимир Чернядьев, Ира Батракова. С большой теплотой всегда вспоминаю и представителя военной приёмки Владимира Клеца. Не могу не отметить и большой вклад в производство труб ТКБ-042 и МС-73 другого военпреда – капитана Валентина Стецюры. Эти люди подчас сутками не выходили из цеха, занимаясь приёмкой изделий, предназначенных для срочной отгрузки

Серийное производство БМ-21 на нашем заводе продолжалось до 1995 года. Только на экспорт в 50 стран мира завод поставил более двух тысяч изделий.

С февраля 1966 года по март 1970-го я работал начальником участка по производству основных агрегатов реактивных систем залпового огня «Град» – БМ-21 в цехе № 9, которым руководил в тот период Ильяс Даутович Галимов. До сей поры остался в моей памяти 1966 год. Приходилось быть в постоянном напряжении, так как росла программа выпуска этой системы. Поэтому трудились практически без выходных.

В один из предмайских воскресных дней И. Д. Галимов и я были приглашены к директору завода В. Н. Лебедеву. Виктор Николаевич сидел за своим рабочим столом и читал какой-то документ. Увидев нас, он привстал и жестом пригласил садиться. Мы только начали разговор по поводу увеличения объёма производства БМ-21, как раздался необычный

Нижний ряд слева направо: Г. А. Воронцов, И. И. Гуляев.

телефонный сигнал. Через мгновение появилась секретарь, доложившая, что на проводе спецсвязи Дмитрий Федорович Устинов. Надо сказать, что аппарат спецсвязи в директорском кабинете находился в специальной кабинке. ВикторНиколаевич вошёл в эту кабину, но дверь за собой не прикрыл, и мы невольно стали свидетелями разговора двух больших руководителей. И. Д. Галимов потом сказал мне: «Вот видишь, какая на тебе ответственность!».

За четыре года работы в цехе № 9 я так устал, что решил обратиться к заместителю директора по кадрам Г. И. Степанову с просьбой о переводе на другое место. И он вдруг предложил мне пойти в базовый заводу техникум им. Н. Г. Славянова на должность заведующего отделением АСУ с преподаванием спецпредмета «Производство артиллерийских систем».

Перед моим уходом из цеха И. Д. Галимов практически за руку привёл меня к начальнику механосборочного производства Володину и высказал ему всё, что думал о перспективах моего служебного роста на заводе. Владимир Николаевич выслушал, но держать меня не стал. Он лишь пожелал мне успехов на новой работе и добавил, что на завод я всё равно вернусь. Так, общем-то и произошло через шесть лет.

В период 1969/70 гг. на заводе очень широко развернулось соцсоревнование, посвященное 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Оно проходило под девизом: «Трёхлетнее задание – за два года!». Основанием этому послужило парное социалистическое соревнование двух токарей цеха № 3 Николая Владимировича Катаргина и Ильи Степановича Маслова. Я тогда познакомился с Николаем Владимировичем и пригласил его на встречу со студентами. Интересно, что по завершению встречи наши студенты пожелали Катаргину добиться звания Героя Социалистического Труда, что впоследствии и произошло. Указом Президиума Верховного Совета от 26 апреля 1971 г. Н. В. Ка-

Н. В. Катаргин.

таргин был удостоен этого звания и награждён вторым орденом Ленина. Этим же указом ордена Ленина был удостоен и его соперник Илья Степанович Маслов.

В 1971 году коллектив завода им. В. И. Ленина выдвинул своего директора кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР. Доверенным лицом Виктора Николаевича стал Н. В. Катаргин. Как-то он попросил меня написать текст для своего выступления на собрании коллектива завода. Я подготовил этот текст и передал его Катаргину. Он наскоро ознакомился с ним и, так как времени было в обрез, тут же вышел на трибуну. Я же устроился за кулисой. Начав выступление, Николай Владимирович достал мой текст и попытался его прочесть. Но, видимо, не разобрав мой почерк, споткнулся, попытался исправиться, снова споткнулся и, покраснев, сошёл с трибуны. Надо было срочно поправлять ситуацию. И я решил сам прочесть доклад. Президиум, естественно, был в недоумении: меня ведь никто не уполномочивал. Но В. Н. Лебедев, видимо, меня узнал, так как что-то зашептал членам президиума. Вот так я неожиданно оказался доверенным лицом этого человека.

В техникуме я близко сошёлся с заместителем директора по АХЧ Иваном Ивановичем Гуляевым. Это был крепко сложенный человек, просто русский богатырь. Общие дела и взаимопонимание в работе как-то сразу сблизили нас, и мы стали друзьями.

И. Д. Галимов.

9 мая 1970 года в техникуме состоялось торжественное собрание, посвященное Дню Победы. Мне было приятно, что среди наших сотрудников столько участников Великой Отечественной войны. Однако я не увидел среди них И. И. Гуляева, хотя и считал его фронтовиком. И вот как-то Иван Иванович поведал мне об одной трагической истории из своей жизни.

В 1941 году в возрасте 17 лет Ваня Гуляев удрал на фронт. Попал в школу разведчиков, после окончания которой был зачислен в подразделение фронтовой разведки. Выходы за линию фронта, ранения, госпитали, снова фронт. Боевые награды – два ордена и три медали. Воинское звание – старшина. Закончил войну в Праге. Армия готовилась к передислокации на Дальний Восток, на войну с Японией. В этот короткий период и произошла его случайная встреча с бывшим командиром его «учебки», в то время младшим лейтенантом, теперь уже майором. Застолье, а затем взаимные претензии, разборка, которая закончилась гибелью майора. Судом военного трибунала Иван Гуляев вместо Дальнего Востока поехал на лесоповал в Ныроб. Освободившись досрочно, возвратился на родину в Чёрмоз. Семья, двое детей сын и дочь. Закончил речное училище. Плавал на судне в должности капитана-механика. И вот теперь техникум.

Его история меня не оставила равнодушным. Я посоветовал Ивану Ивановичу сходить на приём к депутату Верховного Совета РСФСР Лебедеву. И вот он с радостью сообщил мне, что был на приёме, и тот попросил всю свою историю

изложить в письменном виде, сказав при этом: «Сколько молодых жизней унесла и поломала эта война! Так что ты, Иван Иванович, не один такой!». Эти слова Виктора Николаевича как-то окрылили Гуляева, и у него появилась надежда.

Прошло более года. И вот с улыбкой ко мне в кабинет входит Иван Иванович и приглашает вечером к себе домой, не сообщая, по какому поводу. В квартире он меня встречает вместе с женой Анной Ивановной. Накрыт стол. На этом столе и его награды! Радости моей не было предела. Я только спросил его: «Это те же самые или другие?» Ответ его был: «Они же, под теми же номерами и документами! Вручили в райвоенкомате!».

Недолгую жизнь прожил после этой истории Иван Иванович Гуляев. Инсульт в 49 лет. 24 сентября 1973 года похоронили мы его на Южном кладбище. Недалеко от могилы Ивана Ивановича Гуляева захоронен и Виктор Николаевич Лебедев.

Я часто думаю, как мне повезло, что жизнь подарила мне встречи с замечательными людьми. И ещё думаю о том, что мы, люди должны беречь друг друга.

В декабре 1975 года в соответствии с приказом министра оборонной промышленности СССР нашему заводу было предписано организовать службу внешних работ и испытаний. Новость эта меня заинтересовала, и я обратился к заместителю главного инженера по новой технике Г. Н. Князеву с просьбой порекомендовать меня туда на работу. Вскоре руководитель службы Б. И. Дёмин пригласил меня для разговора. Из его кабинета я вышел уже начальником конструкторского бюро отдела испытаний артиллерийских систем.

Поскольку штатов ещё сформировано не было, предстояло набирать будущих сотрудников самому. Право такое я получил, но с условием – не переманивать людей из других служб завода. Надо сказать, что до своего назначения в службу испытаний я шесть лет преподавал в славяновском техни-

Сотрудники КБ на испытаниях артиллерийских систем (слева направо): Ю. Маргин, В. Ходырев, В. Фотин, А. Мартыненко, Н. Никитин, В. Аникин, Ю. Костин, В. Зуев, А. Петраков (май 1981 г.).

На демонстрации 7 ноября 1977 года. Слева направо: Ю. Н. Калачников, А. Н. Теплов, Г. А. Воронцов, В. В. Устюжанин, Б. И. Дёмин, М. И. Иродов.

куме спецпредмет «Производство артиллерийских систем». Разумеется, знал своих выпускников, их потенциал и деловые качества. Некоторых из них и пригласил к себе. Что касается инженерных кадров, то тут я целиком положился на мнение руководителей соответствующей кафедры политехнического института В. А. Девяткина и Н. И. Романова. Таким образом в начале 1976 года в КБ пришли Николай Праздников, Владимир Жучков, Николай Никитин – мои выпускники, а также выпускники ППИ Владимир Фотин, Юрий Костин, Владимир Зуев, Виктор Буканов и Владимир Шаталов. Этот маленький коллектив и начал постигать неизведанные стороны ответственной работы по испытанию изделий. Работали все увлечённо, и, как результат, в феврале 1979 года КБ было присвоено звание «Коллектив коммуни-

стического труда». Подобного случая во всей нашей службе больше не было. Да и на заводе такие коллективы можно было на пальцах пересчитать. Так что звание это дорогого стоило, и мы им гордились.

Не помню точно, в каком году на заводе была спроектирована и запущена в работу установка электрохимической обработки нарезов стволов, но однажды мне довелось ознакомиться со стволом пушки М46, обработанным этим методом. Мне стало интересно, почему метод не нашёл дальнейшего применения. Выяснилось: для испытания этого ствола требовалось произвести 1000 выстрелов! Всё упиралось в материально-техническое обеспечение таких испытаний, которые, надо отметить, стоили недёшево. И тогда родилась идея установить «химический» ствол на лафет пушки, назначенной для больших контрольных испытаний (БКИ), вместо ствола, изготовленного традиционным способом. Руководитель заводской военной приёмки В. В. Клец идею оценил и согласовал её со своим высшим руководством. Получив «добро», мы и провели первые испытания ствола по программе БКИ. Результаты были обнадёживающими, и нам разрешили продолжать эту работу. К ней был подключён Нижне-Тагильский институт испытаний металлов. А на заключительной фазе стрельбу должны были провести военные. Все это было сделано. Таким образом, ствол получил путёвку в жизнь, а я был отмечен как один из лучших рационализаторов завода.

Помимо стрельбы все буксируемые пушки проходят испытания в ходу, за буксировщиком. Мне неоднократно пришлось в них участвовать. Одно из таких испытаний запомнилось на всю жизнь. Дело было в ноябре 1976 года. Комиссия под моим председательством должна была испытать М46 в большом пробеге. Холодина стояла страшная, а нам предстояла дорога в Коми округ. Кроме меня в автобус погрузились ведущий инженер-испытатель Юрий Костин, от ОТК – Вик-

тор Мильчаков, представитель заказчика Игорь Горбунов и слесарь Борис Беспалов. «КрАЗ» с пушкой на прицепе вёл Геннадий Плюснин. К Кудымкару подъехали в темноте, около десяти часов вечера. Надо было искать ночлег, и мы стали колесить по незнакомому городу. Выехали на высокую земляную дамбу, проходившую вдоль застывшего пруда. На ней мы и остановились, вконец измученные тяжёлой дорогой. Неподалёку гостеприимно светились огни частных домов, в один из которых мы и направились в надежде сыскать пристанище. Сказать, что встретили нас с радостью – ничего не сказать! Развесёлая компания во главе с хозяевами приняла нас с распростёртыми объятиями. Но через малое время мы поняли, что отдохнуть нам здесь вряд ли удастся: гуляки, похоже, вознамерились побить все рекорды винопития. С грехом пополам вызнав у хозяйки адрес гостиницы, мы отправились к своей пушке. Снова залезли в промёрзший автобус, и в свете его фар стали наблюдать за манипуляциями Бориса Беспалова, снимавшего М46 с ручного тормоза. Наконец «КрАЗ» тронулся и...

Это было как в замедленном кино: колёса пушки пошли юзом, она начала сползать с насыпи и в считанные секунды опрокинулась на лёд пруда. Броневой щит и передок лафета не позволили орудию встать вверх колёсами. Но и того, что случилось, хватило, чтобы все мы оказались в шоке. Кроме, пожалуй, водителя буксировщика Гены Плюснина. Он вылез из машины, спокойно оценил ситуацию и, распределив между нами обязанности, взял пушку на трос, прикреплённый к лебёдке.

Пока мы возились, на насыпь въехала машина местного ГАИ. Оказывается, нас заметили с ближайшего поста и решили выяснить, чем тёмной ночью на дамбе занимаются несколько мужиков. Увидев пушку и меня с пистолетом на боку, гаишники встревожились. Но после того, как я показал им документы, в том числе и удостоверение капитан-

инженера артиллерии, успокоились и даже предложили свою помощь. Плюснин буркнул, что мы и сами справимся, да и вообще участвовать в секретном мероприятии милиции ни к чему. Инспектора почтительно умолкли и, пожелав нам успехов, мирно удалились.

До двух часов ночи ставили мы М46 на колёса. Измотались, конечно. Но всё хорошо, что хорошо кончается. Поставив орудие во двор ГАИ и попросив организовать его охрану, мы, наконец, добрались до гостиницы. Спали мёртво. А рано утром я принимал рапорт сотрудника автоинспекции, что за время нашего отсутствия с вверенными его попечению пушкой и тягачом ничего не случилось.

Спустя несколько лет я вновь попал в Кудымкар: участвовал в обкатке пушки 2Б16. На посту ГАИ увидел знакомое лицо. Инспектор тоже узнал меня и, храня серьёзное выражение лица, поинтересовался, не собираемся ли мы, как и в прошлый раз, проводить испытания орудия на их пруду. Мы посмеялись, повспоминали ту морозную зиму и наше приключение, во время которого нам было вовсе не до смеха.

А версия случившегося, по мнению начальника заводского КБ СКБ Юрия Александровича Вебера, могла выглядеть так: во-первых, торопясь на ночлег, мы ехали быстро, часто тормозя на ухабах; во-вторых, погода была холодной, и разогревшиеся при торможении колодки и диски ступиц колёс, столь же быстро и остывали. Конденсат замёрз и намертво заблокировал колёса. С этими доводами согласился и заместитель начальника приёмки Леонид Яковлевич Гербер. Приказав отразить всю эту историю в отчёте, он напоследок сказал, что Мотовилиха делает очень надёжные орудия, которые и после подобных приключений остаются полностью боеспособными.

В этой главе рассказывается об испытаниях ещё одного изделия нашего завода – 240-мм миномёта «Тюльпан». Эта машина – результат совместной разработки мотовилихинского ОКО, возглавляемого в то время Ю.Н.Калачниковым и свердловского ЦКБ «Трансмаш» во главе с генеральным конструктором Ю. В. Томашовым.

«Тюльпан» был принят на вооружение в 1971 году. Но его серийное производство началось на три года позже, в 1974-м. Понятно, что серии предшествовали тщательные испытания этой системы, тем более, что подобного оружия, – миномёта такого большого калибра, да ещё и самоходного – не существовало. Он и сегодня не имеет аналогов в мире.

«Тюльпан» (2Б8) обладает высокой проходимостью и манёвренностью. Он способен преодолевать заражённые участки местности и не требует подготовки огневой позиции.

Коллектив разработчиков этого чудо-оружия в 1978 году был удостоен Государственной премии СССР. В списке лауреатов был и мотовилихинский конструктор Ю. Н. Головкин

240-мм миномёт «Тюльпан». Слева направо: Г. А. Воронцов, В. А. Ходырев, И. И. Горбунов

Большие контрольные испытания в 1976 г. проходили на полигоне в посёлке Красное под Свердловском. Вместе с нами их проводили специалисты «Трансмаша». Такая совместная работа позволяла значительно сократить материально-технические затраты обеим организациям. Надо отметить, что БКИ были ещё и совмещёнными: требовалось одновременно провести и испытания опорной плиты миномёта. А это, конечно, усложняло задачу.

Комиссия нашего предприятия под руководством зам. главного конструктора А. В. Курапова должна была со всей тщательностью отследить все пункты программы испытаний. Один из этих пунктов предписывал проверить миномёт на скорострельность: не более чем за девять минут произвести десять выстрелов. Поскольку такая работа входила в компетенцию КБ, которым я руководил, проделать её предстояло нам. И мне как председателю комиссии БКИ надо было организовать эти стрельбы, что тоже было делом непростым. Ведь полигон нам предоставлялся только в нерабочий день. Поэтому, приехав туда, мы тотчас же отправились на огневую позицию. «Тюльпан» уже стоял там, но стрелять было нельзя – отказала система боеукладки. Можно представить, как меня убило это сообщение. Срывались все наши планы, сроки трещали по швам! Я знал, как нервничает руководство завода и, в особенности, военная приёмка. Что делать?

Выход был один: провести стрельбу без использования комплекса боеукладки. Этой идеей я и поделился с членами комиссии – ведущим конструктором И. В. Ячейкиным и представителем заказчика Г. Б. Леденцовым с таким аргументом: у себя в «карьере» мы, мол, этой системой никогда не пользуемся.

Коллеги выслушали меня и согласились, что иного варианта, пожалуй, не просматривается. Получив их «добро», я расписал все действия нашей рабочей бригады, состоявшей из слесарей-сборщиков цеха № 17, и мы приступили.

Стрелять нужно было 130-килограммовыми осколочно-фугасными минами в инертном снаряжении. Снарядив их зарядами, мы подняли три мины на крышу самохода. Одну положили на линию заряжания, а две других – по бокам. После первой досылки одна из боковых мин должна была занять место досланной, а на её место надо было немедленно поднять с грунта очередную. Получался такой своеобразный конвейер, с помощью которого мы и надеялись уложиться в девять минут. Вот только роль этого конвейера исполняли руки людей.

Стрельба проводилась с выносного пульта. Механиком-водителем и наводчиком был назначен тогда молодой рабочий цеха № 17 Виктор Ходырев. Он уже работал с этим миномётом, и я ему полностью доверял.

Ещё раз напомнив всем членам бригады очерёдность их действий, я дал команду на «заряжание». Мы с И. В. Ячейкиным наблюдали за действиями расчёта со стороны. Вот Ходырев дослал первую мину в канал ствола, выполнили свои действия и остальные. Прозвучала команда «огонь!», и мы замерли в ожидании первого выстрела. Секунда шла за секундой, а орудие молчало. На стрельбах бывает всякое, в т. ч. и так называемый затяжной выстрел. Но и его не происходило. Тогда я велел Ходыреву вывести ствол в положение заряжания. И мы подошли к «Тюльпану». Игорь Васильевич Ячейкин достал из кармана лупу, которую всегда носил с собой, и принялся осматривать капсюльную втулку заряда. Следа от бойка на ней не было! Такое могло произойти при неполном закрывании затвора, и мы решили повторить стрельбу, уже учитывая это обстоятельство.

Я дал команду на повторный выстрел, и все вновь заняли свои места. То что произошло затем, до сих пор стоит перед моими глазами.

Так как на линии заряжания лежала уже следующая мина, предназначенная для досылки, Ходырев и пустил её в дело.

Оцепенев от ужаса, я смотрел на происходящее, не в силах уже что-либо предпринять. В мозгу мигом возникла картина последствий сокрушительного в своей мощи взрыва порохового заряда... Ещё через мгновение эта страшная картина могла стать явью. Но не зря я так верил Виктору Ходыреву: из всей нашей команды, пожалуй, он один не потерял самообладания. В самый последний момент он успел отключить систему досылки.

И. В. Ячейкин.

Собравшись в кружок, мы долго стояли, молча переживая случившееся. Понемногу волнение улеглось, и мы решили продолжить.

Не знаю, что повлияло тогда на результат, но мы сумели не только отстрелять «Тюльпан», но и перекрыли норматив по скорострельности. Отмечу, что в боевых условиях подобного случая быть не могло: система боеукладки способна блокировать двойное заряжание. Но мы-то ведь её сознательно отключили!

Всё хорошо, что хорошо кончается. Но для нас, конечно же, эта история по приезду на завод не завершилась. Выслушав доклад о наших «успехах», Юрий Николаевич Калачников «тепло поблагодарил» нас за такую работу. Так что попереживать ещё пришлось.

Встречаясь с Виктором Александровичем Ходыревым, мы частенько вспоминаем тот давний случай, вспоминаем людей с которыми работали. Говорим и о ныне покойном Игоре Васильевиче Ячейкине. Удивительно добрым и жизнерадостным был этот человек! До сих пор я вспоминаю его мягкий голос, когда он был в хорошем настроении, и его бурчание,

КОММУ

СВИДЕТЕЛ

За высокие производ
показатели, дости
в социалистическом со
и успехи в коммунис
воспитании труд
коллекти

КОНСТРУКТОРСКОГО БЮРО т. ВОРОНЦОВА Г.А.

(бригады, участка, смены, цеха, фе

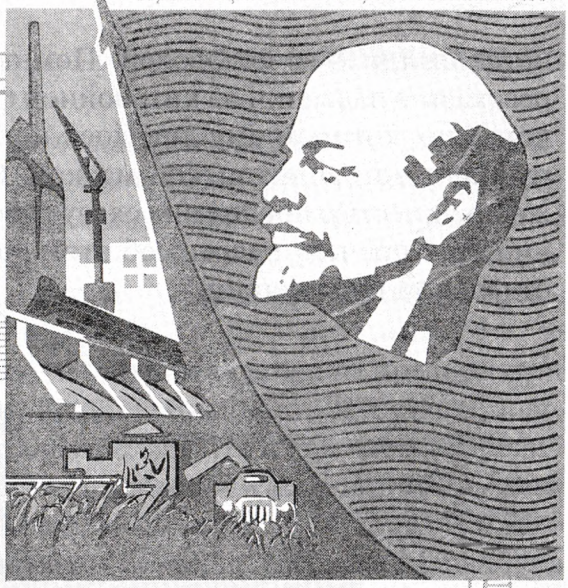
присвоено зва

КОЛЛЕКТИВ КОММУ

„9“ февраля 1979 года

Руководитель
предприятия
(организации)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ПРИДЕМ К ПОБЕДЕ
ТИЧЕСКОГО ТРУДА!
льянов (Ленин)

СТВО

венные
утые
евновании
ическом
ихся,

ОРЯ .....

..... и т. п.)

е

ИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

Председатель
комитета
профсоюза

когда был чем-то недоволен. Помню его полные юмора рассказы о плавании на китобойной флотилии «Слава», на кораблях которой ему довелось испытывать гарпунные пушки с мотовилихинской маркой. Он прожил хорошую жизнь, с честью продолжив славу рабочей династии Ячейкиных. Впрочем, рассказ об этой династии заслуживает отдельной публикации.

К 40-летию Победы страна готовилась очень серьёзно. В соответствии с директивой ГРАУ руководству нашего завода и военному представительству было предписано подготовить и отправить в Московский военный округ 15 пушек 2А36 для участия в праздничном параде на Красной площади.

Для выполнения этого важного задания на предприятии была сформирована бригада специалистов. В состав её вошли Александр Иванович Пепеляев, Николай Александрович Никитин – от службы внешних работ и испытаний – и Александр Васильевич Дружаев, инженер-конструктор СКБ. Позднее к ним присоединился бригадир слесарей-сборщиков цеха № 17 Виктор Александрович Ходырев. Этот маленький коллектив и обеспечил чёткое выполнение задач, воз-

В. А. Ходырев (первый ряд в центре) и его бригада (1985 г.).

ложенных на него руководством военной приёмки и заводом. Вот как рассказывал Виктор Ходырев о том случае на страницах заводской газеты «Мотовилихинский рабочий».

«Бригада заводских специалистов, осуществлявшая подготовку 152-мм буксируемых пушек 2А36 «Гиацинт-Б» к параду 9 мая 1985 года, приступила к тренировкам задолго до первомайских праздников. Проводились они на Центральном аэродроме столицы. Поражала разметка лётного поля, которая полностью соответствовала планировке Красной площади.

Мы должны были обеспечить прохождение наших пушек в строю сводной колонны военной техники. Пушки шли в прицепе за тягачами-буксировщиками – КрАЗами. В процессе тренировок обнаружился дефект – «пригорание» колодок колёсных тормозов орудий. Вот тут-то и пришлось нам поработать, но не с тормозной системой самих пушек, а с агрегатами воздушной системы буксировщиков. Когда, наконец, была выявлена и устранена причина, мы с облегчением вздохнули.

Выход военной техники на Красную площадь осуществлялся двумя потоками. Первый шёл со стороны Александровского сада, между Кремлевской стеной и Историческим музеем. Второй – по проезду (сейчас его нет) между противоположной стеной Исторического музея и ГУМом. Каждый из потоков состоял из двух рядов. При выходе на Красную площадь они сливались, выстраиваясь в четырёхрядный строй. Наши пушки прошли Красную площадь в колонне военной техники в трёх её рядах, то есть в количестве 12 штук (2 артиллерийские батареи).

На параде наше присутствие было необходимым: в случае выхода из строя одной из буксируемых пушек требовалось заменить её на другую за... 12 секунд! Для этого был предусмотрен резерв из трёх орудий, которые ожидали своего часа на Манежной площади. Но техника Мотовилихи не подвела!»

После парада все члены бригады были представлены к награждению юбилейными медалями в честь 40-летия Победы, с которыми они и возвратились в Мотовилиху.

О Викторе Александровиче Ходыреве мне хочется рассказать более обстоятельно.

Впервые я повстречался и познакомился с ним, тогда молодым человеком, на испытаниях 240-мм самоходного миномета 2С4 «Тюльпан» на полигоне под Свердловском в мае 1976 года. На этих испытаниях Виктор Александрович выполнял обязанности механика-водителя и наводчика. Тогда произошёл непредвиденный случай, который не исключал возможности трагедии. Суть произошедшего объясняю вкратце – двойное заряжание по причине сознательного отключения блокировки. И только быстрая реакция Ходырева позволила избежать несчастья.

На завод Виктор Ходырев пришел в январе 1973 года после службы в армии. Учитывая, что Ходырев имел военную специальность механика-водителя танка, отдел кадров направил его в цех № 11 в бригаду слесарей-сборщиков Аркадия Яковлевича Кунгурцева, человека на заводе известного и уважаемого, первого кавалера знака «Трудового отличия и доблести» I степени, учреждённого ОАО «Мотовилихинские заводы». Виктор, как губка, впитывал приёмы и навыки, которыми охотно делились с ним старшие товарищи. Тем более, что некоторым из них – Сергею Ивановичу Патрушеву и Сандулу Ширгазиевичу Ширгазину пришлось поработать в годы войны в составе «Фронтовых бригад». А Виктор Дмитриевич Мильчаков работал здесь слесарем-прицельщиком ещё до войны и был участником войсковых испытаний четырёх первых гаубиц М-30 в 1938 году. Именно В. Д. Мильчакову принадлежит первая характеристика Виктора Ходырева: «Вот и родился ещё один прицельщик на нашем заводе!»

Мне Ходырев тоже нравился своей пытливостью и основательностью, и я старался быть в чем-то ему полезным. Уговорил его и Сашу Маслова поступить на вечернее отделение механического техникума им. Н. Г. Славянова, а потом оказал им помощь в работе над дипломными проектами.

В 1981 году ушел из жизни бригадир А. Я. Кунгурцев. И бригада решила, что заменить его должен только В. А. Ходырев.

Ровно 25 лет отработал Виктор Александрович Ходырев на сборке и испытаниях различных артиллерийских систем, которые производил завод. Зарекомендовал себя прекрасным специалистом и руководителем бригады слесарей-сборщиков. Заработал множество премий, благодарностей, грамот и знаков победителя в социалистическом соревновании. Сегодня он трудится производственным мастером в цехе № 55. И по-прежнему отдаёт все силы и знания заводу, ставшему его судьбой.

В 1977 году завершался последний этап испытаний стрельбой ствола 130-мм пушки М-46 с нарезами ЭХО. Так как заключение по результатам должны были дать военные, стрельба проводилась на Ржевском полигоне, куда и было доставлено орудие. Однако, кроме стрельбы, программа БКИ предусматривала ещё и испытания пушки возкой в прицепе за буксировщиком. А на М-46 требовалось также испытать резину колёсного хода на дистанции 2000 кило-

Галина Олеговна Смагина.

130-мм пушка М-46.

метров. Военные сразу отказались от этой работы, и мне пришлось самому организовывать и проводить её.

Ленинградский завод «Арсенал» выделил мне буксировщик – «Урал». Так как машины сопровождения не было, функции охраны орудия я взял на себя, имел на это право. В кабину буксировщика брал только слесаря нашего отдела испытаний Александра Маслова.

Маршрут наш проходил по автостраде Ленинград-Выборг и прилегающей к ней местности. Мы впервые увидели прекрасные карельские места – лесные дороги, озёра, огромные валуны, а также надолбы и рвы фортификационных сооружений знаменитой оборонительной линии Маннергейма, памятники и захоронения наших воинов.

С территории «Арсенала» мы обычно выезжали засветло, а возвращались, проехав 200–250 километров, уже ночью. В одной из поездок отказала подсветка дульной части ствола – красная лампочка на чехле. А это грозило неприятностями: идущая вслед автомашина могла запросто наехать на пушку, да и ГАИ запретила бы нам проезд в тёмное время суток. Нужно было устранять неисправность. Усмотрев удобное местечко у небольшого озера, мы свернули с трассы, и принялись с Сашей Масловым за дело.

Мы уже заканчивали работу, когда к нам подъехал автобус с финскими туристами, которые высыпали из него с фотоаппаратами, кинокамерами. Я в бешенстве подлетел к этой толпе со словами: «Кто здесь старший? Прекратить съёмку!». А Маслов стал быстро зачехлять нашу пушку. Поняв, в чём дело, туристы полезли обратно в автобус. И тут неожиданно я услышал: «М-46»! Финны уехали, за ними вскоре двинулись и мы. Когда въезжали в город, водитель «Урала» вдруг произнёс: «Как бы в ихней газете не появился снимок вашей пушки и моей машины». Я успокоил его: «Кому это нужно?». Я знал, что наш завод поставлял такие пушки в Финляндию. Именно поэтому кто-то из туристов и узнал орудие.

Закончив испытания, я возвращался в Пермь самолётом. Надо сказать, что при посадке я обязан был сдать личное оружие командиру экипажа. И вот вижу, как к нашему лайнеру подали трап, и по нему сошла молодая женщина в форме гражданской авиации. Я подошёл к ней, чтобы узнать, кто командир. Ответ меня просто ошеломил! «Я командир. Что вы желаете?» – сказала она. Я объяснил, и она пригласила меня на борт, провела в кабину пилотов и показала место, куда положить пистолет. «Не забудьте забрать, когда прилетим в Пермь. А то всякое бывает...» И она рассказала, что однажды ей пришлось с милицией разыскивать подобного мне человека. В тот памятный ей рейс один из пассажиров уже на борту самолёта напился и затеял скандал. Пришлось запросить аэропорт Большое Савино о направлении наряда милиции, которая и задержала хулигана у трапа. Как раз он-то и сдавал на хранение оружие.

Так я познакомился с первой в СССР женщиной – командиром пассажирского самолёта ТУ-134 Галиной Олеговной Смагиной.

Память хранит немало случаев, связанных с испытаниями М-46. Один из них произошёл в Свердловской области. Тогда, в августе 1978 года мы с инженером-испытателем Владимиром Фёдоровичем Фотиным испытывали это орудие возкой. Время шло к ночи, и мы решили выбрать место для привала. Остановились у небольшой речушки, разожгли костёр, поужинали и стали готовиться ко сну. Наш водитель Геннадий Демонов забрался в кабину машины, а мы с Владимиром Фёдоровичем прикорнули у костерка.

Гроза налетела неожиданно, и мы с Фотиным, спасаясь от проливного дождя, залезли в стоявший неподалёку стог. Но и он не укрыл нас от ливня. Утром, насквозь мокрые, продрогшие, снова развели огонь, чтобы хоть немного обсушиться. Гена Демонов, избежавший таких неприятностей, чувствовал себя, конечно, лучше. Он завёл машину и стал торопить нас. Деваться некуда, надо ехать. Я попросил Володю снять пушку с колёсного тормоза, сказав при этом, чтобы не забыл стравить давление в ресивере воздушно-тормозной системы орудия. Услышав свист стравливаемого воздуха, я залез в кабину. Рядом уселся Фотин, и водитель дал по газам. И вот картина: двигатель ревёт, а пушка едва с места сдвинулась. В чём дело? Стали смотреть. Рычаг стоит в положении «Расторможено», но штыри колодок тормозной системы утоплены. Я понял, что сработала система аварийного торможения. Но почему? Ведь я же ясно слышал, как стравливался воздух. Я открыл кран ресивера, и из него со свистом пошёл воздушный поток.

– Ты какой же кран крутил? – крикнул я Володе. Он молча показал на пятилитровый баллон воздушной системы подъёмно-уравновешивающего механизма пушки.

– Снял, называется, с тормоза,– сердито буркнул я, садясь в машину. Фотин сокрушённо помотал головой.

– Ну, двинули,– произнёс наш водитель. Я кивнул. Демонов нажал на газ, и мы... опять ни с места. Снова вся компания полезла из кабины. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять причину: колёса пушки по самые оси ушли в сырую после дождя землю.

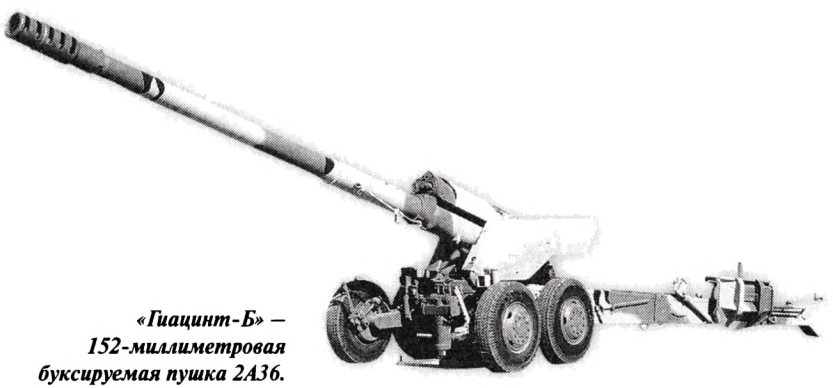
– Тут, братцы, без лебёдки не обойтись,– оценив ситуацию, протянул Геннадий.

«Братцы» промолчали. Да и что мы могли сказать? Теперь вся надежда была на Демонова. А он, видимо, сообразив, что мы ему не помощники, отцепил пушку, развернул машину, подал её задом к растущей на пригорке сосне. Затем наш водитель обмотал трос вокруг ствола могучего дерева, а другой его конец закрепил за передок автомобиля. Вскоре всё выглядело как в сказке про репку: машина за сосну, лебёдка за пушку. Тросы натянулись – пушка ни с места, от напряжения сработал предохранительный механизм лебёдки. Теперь ситуация обострилась ещё больше. Ведь вся наша гирлянда из орудия, автомобиля и дерева оказалась внатяг. Ну, думаю, придётся либо сосну рубить, либо трос. По счастью, Геннадий думал иначе. Он разобрал лебёдку и освободился от растяжки. Вот так мы и смогли выбраться из устроенной самими себе ловушки.

В начале 70-х годов прошлого века в рамках развития артиллерийского вооружения Советской армии ОКО завода, возглавляемый Ю. Н. Калачниковым, разработал 152-миллиметровую буксируемую пушку 2А36, известную также под именем «Гиацинт-Б».

В отличие от 130-мм полевого орудия М-46 она представляла собой совершенно новую конструкцию. Одним из её достоинств было наличие автоматического досылателя элементов выстрела – снаряда и заряда. Это устройство очень облегчало работу боевого расчёта. Ведь при скорострельности шесть выстрелов в минуту вручную досылать 46-килограммовый снаряд было тяжело.

Хочу напомнить, что это было за время. Конец 60-х – начало 70-х годов прошлого века ознаменовалось резким обострением отношений между СССР и Китаем. Уже состоялась атака на остров Даманский, на просторах «жёлтого гиганта» вовсю бушевала «культурная революция». И нашей стране пришлось вплотную заняться укреплением своих дальневосточных границ. Понятно, что касалось это и насыщения войск округа военной техникой. Наш завод принимал в этой работе самое активное участие: мы отправляли на



«Гиацинт-Б» – 152-миллиметровая буксируемая пушка 2А36.

Дальний Восток РСЗО «Град» (БМ-21) и пушки 2А36. С этим орудием и произошёл случай, о котором я хочу рассказать.

На серийное производство «Гиацинта-Б» предприятие стало переходить в 1978 году. Наше КБ тогда с большим желанием изучало новую конструкцию: нам не терпелось поскорее окунуться в непосредственные испытания этой артсистемы. И, конечно, хотелось быть к ним максимально подготовленными. Поэтому инженер-конструктор Владимир Филиппович Пономарёв, который раньше работал как раз в СКО, организовал этот «ликбез» и очень серьёзно взялся за обучение коллектива.

В январе 1979 года, мы, уже полностью подготовленные, получили пушку из первой серийной партии, чтобы испытать её возкой. А уже в середине сентября проверили её и стрельбой на полигоне под Нижним Тагилом. Орудие показало себя очень хорошо, а его надёжность была выше всяких похвал. Каково же было наше удивление, когда буквально через месяц в заводскую военную приёмку поступило сообщение из ГРАУ о разрушении при выстреле одной из пушек 2А36. Произошло это именно в ДальВО, то есть в районе пограничных конфликтов.

Для выяснения причин ЧП на Дальний Восток была спешно отправлена группа специалистов, в которую, кроме меня, вошли начальник КБ опытного конструкторского отдела Юрий Николаевич Головкин и представитель военной приёмки майор Валентин Михайлович Стецюра.

И вот мы под городом Белогорском Амурской области, где дислоцируется воинская часть, из которой поступил сигнал. О случившемся нам в присутствии начальника ракетно-артиллерийского вооружения полка докладывали старший офицер и командир батареи. Докладывали как-то странно, упирая на то, что конструкция неудачна, что завод сделал плохую пушку, в которой никто разобраться не может. Да и что это за орудие такое, если при выстреле разлетается!

На аварийной пушке действительно откатными частями был начисто снесён досылатель. Но мы-то знали о своём орудии всё и не представляли, как такое могло случиться. Ведь в инструкции чётко расписано, что нужно делать и в какой очередности.

Возмущённый нападками военных Ю. Н. Головкин попросил их принести эту самую инструкцию, чтобы прочитать то место, где подробно описывался порядок действий. Вот тут-то нас и ждало самое неожиданное открытие. Оказывается, никто из офицеров в глаза не видел этого документа! «Может, вы читали инструкцию?»– спросил я у начальника РАВ. Тот начал ссылаться на секретность, на то, что подобные документы хранятся только в штабе полка, а штаб, мол, в Белогорске, в 30-ти километрах. Тогда мы, чтобы полностью восстановить картину, попросили о встрече с расчётом орудия. Деваться командирам было некуда, и встречу эту они устроили. Из разговора с солдатами мы всё и узнали.

А дело было так. Когда поступила команда на заряжание, расчёт выполнил её с помощью досылателя, но сам досылатель с линии заряжания не убрал, посчитав, что он автоматически уйдёт в момент отката. Прозвучала команда «Огонь!», но пушка молчала. Люди растерялись, не зная, что делать. Подскочивший к орудию старший офицер батареи, обругав подчинённых, попытался сам произвести выстрел. Поначалу ему это не удавалось. И тут ему на глаза попались тросики системы блокировки. Не мудрствуя, он сорвал их, и пушка всё-таки выстрелила. Вот тогда-то досылатель и ушёл в откат.

Мы слушали эту историю и не знали, смеяться или плакать. Уж больно вся она выглядела несуразно. Однако, надо было заканчивать дело. Мы составили акт о выводе орудия из строя, указав в нём причины происшествия. Но документ никто из присутствующих военных подписывать не стал. Похоже, они всё ещё верили, что им удастся отстоять честь

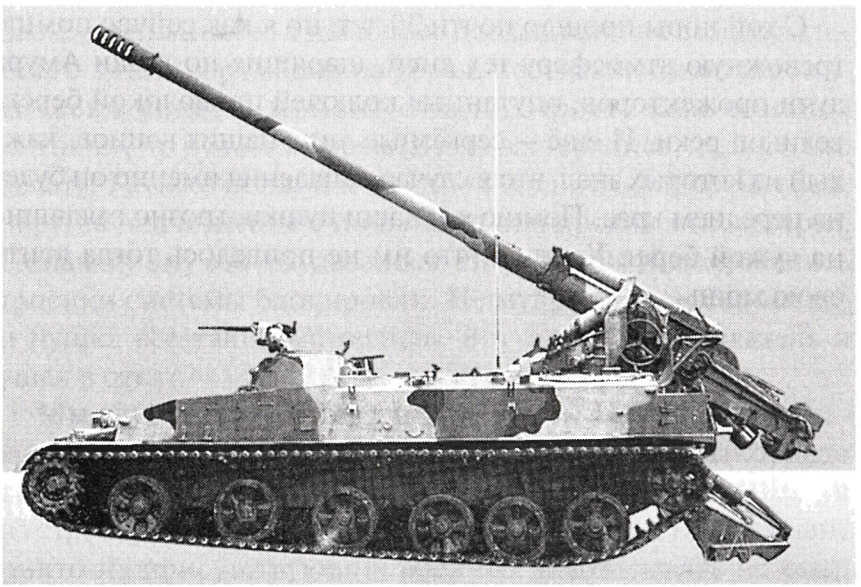
мундира. Да и кому охота признаваться в собственных ошибках. Правда, свой отказ офицеры мотивировали несколько по-другому: дескать, право на подпись имеет только командир полка, а он как раз в Белогорске и находится. Я попросил машину, чтобы доехать до штаба. И машины, говорят, нет, все в разъезде. Было понятно, что артиллеристы просто волынку тянут. Честно скажу, меня это здорово задело, и я заявил, что мы мужики здоровые, если надо, то и по шпалам до штаба доберёмся. А уж оттуда я, не обессудьте, товарищи офицеры, позвоню на завод и в ГРАУ – расскажу о ваших художествах.

Видимо, слова мои возымели действие: через некоторое время на позицию прибыл командир полка. Нормальный, кстати, оказался человек, понимающий. Акт он подписал без лишних слов. Но, как настоящий командир, не мог не извлечь пользы от встречи с изготовителями «Гиацинта». Он попросил нас провести занятия по матчасти со всеми офицерами полка. И мы это сделали с удовольствием.

С той поры прошло почти 30 лет, но я как сейчас помню тревожную атмосферу тех дней, шарящие по глади Амура лучи прожекторов, опутанные колючей проволокой берега великой реки. И ещё – серьёзные лица наших воинов, каждый из которых знал, что в случае нападения именно он будет на переднем крае. Помню я и наши пушки, грозно глядящие на чужой берег. Хорошо, что им не привелось тогда явить свою мощь.

В 1975 году в ОКО-1 СКО нашего завода под руководством Главного конструктора, лауреата Ленинской и Государственной премий, академика РАРАН, доктора технических наук Юрия Николаевича Калачникова были разработаны две 152-мм артиллерийские системы – буксируемая пушка 2А36 «Гиацинт-Б» (начальник КБ Юрий Николаевич Головкин) и артиллерийская часть самоходной пушки 2С5 «Гиацинт-С» (начальник КБ Валир Хамидуллович Гайнуллин).

Уже в 1977 году наше предприятие совместно со Свердловским заводом «Трансмаш» начало производство пушки «Гиацинт-С», а КБ испытаний артиллерийских систем «Мотовилихи» приступило к испытаниям этого орудия. Надо сказать, что эту работу мы проводили тоже совместно со свердловчанами, специалистами ЦКБ «Трансмаш», которым в ту пору руководил Генеральный конструктор Юрий Васи-



Самоходная пушка 2С5 «Гиацинт-С».

льевич Томашов – Герой Социалистического Труда, академик РАРАН, лауреат многих престижных премий.

Испытания проходили на полигоне посёлка Красное под Свердловском. Вообще-то, когда в начале 60-х годов прошлого века на нашем заводе вновь развернулось производство артиллерии, испытания стрельбой всех без исключения систем (по программам БКИ и периодическим) проводились на полигоне «Института испытаний металлов» в посёлке Старатель под Нижним Тагилом. Наш завод арендовал там участок местности на левом фланге огневых позиций. Там было установлено два переналаживаемых стенда для испытаний танковых и самоходных орудий. Была и небольшая мастерская, в которой размещалось электрооборудование для функционирования артиллерийских систем. Участок содержался в идеальном порядке и постоянной готовности к стрельбам. Заслуга здесь принадлежит сотрудникам заводского отдела испытаний Александру Владимировичу Маслову, Владимиру Валентиновичу Зуеву и Юрию Петровичу Костину.

Сегодня этот полигон оборудован на самом высоком техническом уровне. Это не случайно. Ведь здесь проводятся международные выставки образцов российского вооружения, в которых принимает участие и наш завод.

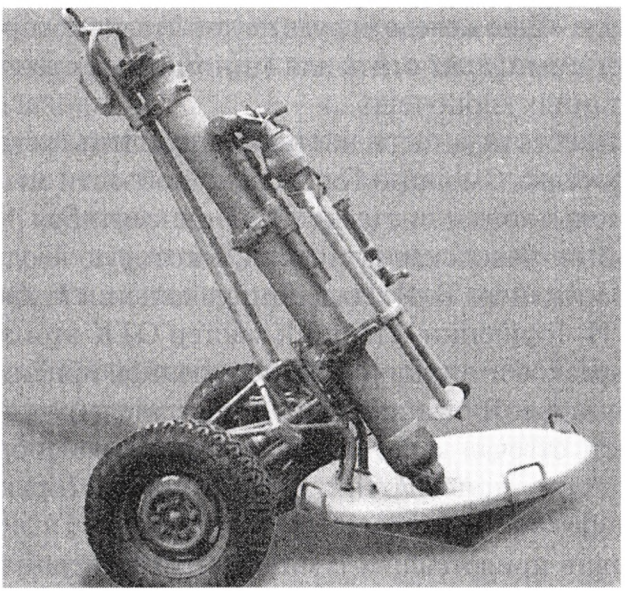
Я был тогда председателем комиссии по проведению периодических испытаний первой самоходной пушки «Гиацинт-С». И хотя с той поры прошло немало лет, помню все перипетии этой работы. На нашем заводе тогда не было стенда для производства досылок выстрелов при заряжании. Эту операцию нам приходилось проводить вручную прямо на самоходе в опытном цехе «Уралмаша». Работа была не из лёгких. Ведь масса осколочно-фугасного снаряда составляет 46 килограммов. А для выполнения программы надо сделать 2000 досылок! Понятно, что нашим инженерам Ю. Е. Маргину, В. Ф. Фотину и слесарю-сборщику А. В. Маслову несладко пришлось, они сутками не выходили из цеха.

Для меня период испытаний системы 2С5 памятен ещё и потому, что тогда я познакомился с тогдашним директором «Уралмаша» Николаем Ивановичем Рыжковым, который впоследствии стал Председателем Совета Министров СССР. Повод для нашей встречи был такой: наш завод планировал заказать «Уралмашу» опорную плиту под стенд для испытаний артиллерийской части 2А37. Эту плиту мы должны были установить на полигоне посёлка Старатель. Николай Иванович отнёсся к просьбе мотовилихинцев с пониманием, и вскоре плита была изготовлена и даже отгружена. А вот в дело она не пошла: появился более выгодный и интересный вариант – испытывать орудие на самоходном шасси. На полигоне «Ржевка» такое шасси было, и Главное ракетно-артиллерийское управление разрешило передать его нам. Поэтому все последующие испытания механик-водитель нашего отдела Геннадий Леонидович Сорокин и инженер Владимир Фёдорович Фотин проводили именно на нём.

152-мм самоходная пушка «Гиацинт-С» принимала самое активное участие в афганской и чеченских кампаниях. Она никогда не поставлялась на экспорт. Но боевые качества этого орудия до сих пор никем не оспорены.

Боевые действия в Афганистане послужили причиной появления новых видов оружия. Одной из этих новых систем стал миномёт 2С12 «Сани». Его конструкция разрабатывалась горьковским ЦКБ «Буревестник» на базе 120-мм миномёта 2Б11 образца 1943 года.

«Сани» был значительно совершеннее: в нём появился курковый спусковой механизм и лафет на колёсах автомобиля «Москвич-412». Наличие колёсного хода позволяло быстро менять огневые позиции, тем более, что в комплект системы входила транспортная машина 2Ф510 (ГАЗ-66). Там, где многокилометровые марши не требовались, передвижение миномёта легко осуществлялось силами боевого расчёта. Словом, это было очень мобильное и удобное орудие. Уже в 1981 году оно было принято на вооружение, а его серий-



Миномёт 2С12 «Сани».

ное производство возложено на наш завод. Но сроки на освоение были даны такие, что предприятие оказывалось в очень сложном положении: не выполнить правительственное задание нельзя, а как выполнить – никто не знал.

Хорошо помню день, когда главный инженер М. П. Кривов собрал всех начальников производств и технических служб для коллективного решения всех вопросов, связанных с подготовкой к выпуску «Сани» и его серийным производством. Шумным и долгим было это совещание. Чувствовалось, что многие присутствующие считают нереальными сроки, отведённые на эту работу. Что касается меня, то я просто не представлял, как за такое краткое время можно провести приёмо-сдаточные испытания, не говоря уже о периодических. Вот и стал поднимать руку, чтобы спросить об этом у главного инженера. Сидящий рядом начальник 1-го мехпроизводства В. П. Лебедев прервал мой жест, выразительно глянув на меня. Когда совещание закончилось, он спросил, что я хотел узнать. Услышав про терзавшие меня вопросы, усмехнулся: «Ещё железная руда не добыта, из которой наши металлурги выплавят сталь для миномётных стволов, а ты об испытаниях хлопочешь...»

Задание есть задание, и наступил-таки день, когда на полигоне посёлка Смолино Горьковской области мы приступили к испытаниям системы. В конце сентября 1981 года туда прибыла заводская комиссия, в которую входили зам. главного инженера Б. Н. Падерин, начальник техбюро цеха № 17 В. И. Горшенин, старший мастер ОТК этого же цеха А. Н. Шардаков и ведущий инженер военной приёмки майор Г. А. Юшманов. Я был назначен председателем этой комиссии, то есть отвечал за всё. В том числе и за транспортировку изделия. А оно прибыло на аэродром города Горького глубокой ночью.

Отправив прилетевших с миномётом Падерина и Юшманова на такси в гостиницу, мы с водителем поехали на

полигон. Через некоторое время остановились: у меня возникло опасение, что на такой тряской дороге запросто можно потерять какую-нибудь часть изделия – машина-то была без тента. В общем, залез я в кузов, и мы двинулись дальше. Вскоре водитель затормозил, и я увидел инспектора ГАИ. Тот проверил у шофёра документы, а потом спросил, почему он везёт в кузове человека? Ведь машина не оборудована для перевозки пассажиров. Я предложил инспектору взглянуть на наш груз, объяснил, куда мы направляемся. Хорошо всё-таки, что в жизни встречается больше людей понимающих и желающих помочь. Вот и этот инспектор не только снял свои претензии, но и решил сопровождать нас до места назначения.

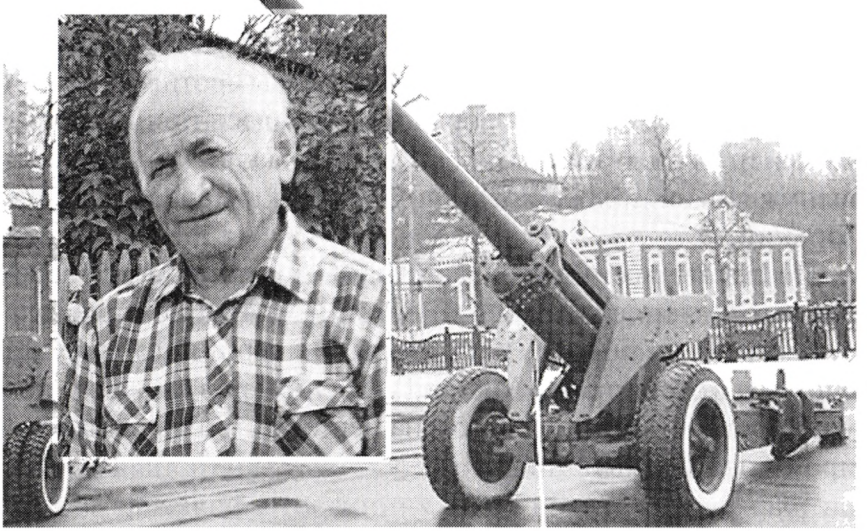
Приёмо-сдаточные испытания «Сани» проводились на смолинском полигоне до тех пор, пока наши конструкторы и технологи не разработали методику и средства, с помощью которых мы могли проводить их у себя в «Карьере». А вот на периодические испытания всё равно требовалось ездить в Смолино. Ими занимались инженеры-испытатели В. Д. Шаталов, В. В. Буканов и водитель-испытатель В. Г. Булдаков.

До самого конца производства этих миномётов наше КБ продолжало испытывать также и механизмы противодействия двойному заряжанию. Особая заслуга здесь принадлежит инженеру-испытателю С. П. Подыниглазову, который был вынужден на долгое время практически переселиться в Горький.

После завершения производства «Сани» на нашем заводе, его изготовление началось в Венгрии. Мотовилиха оказала существенную помощь в налаживании серийного выпуска системы в этой стране. Майор Г. А. Юшманов был даже командирован в Венгрию, чтобы на месте контролировать весь производственный цикл.

Где-то в начале 1981 года зам. директора завода по механо-сборочному производству И. Д. Галимов предложил мне возглавить цех № 2. Я отказался, мотивируя тем, что очень загружен работой в отделе испытаний. Честно говоря, это была отговорка: мне просто не хотелось бросать дело, которое нравилось. Но Ильяс Даутович, как человек настойчивый, нашёл-таки способ втянуть меня в непосредственное производство – приказом директора я назначался ответственным за переборку пушек М-46, поступающих из строевых частей. Пушки эти предназначались на экспорт, так что работа предстояла ответственная и довольно сложная.

Первые переборки начались в начале сентября 1981 года. Мы развезли комплектующие по цехам-изготовителям, и в октябре уже начали сборку двух орудий. До конца года требовалось подготовить к отправке 125 изделий. Мне показалось сомнительной возможность выполнения такой напряжён-



ной программы, тем более, что я уже успел оценить работу цехов-смежников, да и потенциал собственного коллектива тоже знал. Ясно было, что даже если бы в сутках содержалось 28 часов, мы бы всё равно не успели. Своими сомнениями я поделился с Галимовым, но он и слушать меня не стал. И всё же мысль о нереальности задания меня не отпускала.

Перед ноябрьскими праздниками на завод нагрянул зам. начальника нашего главка А. Е. Хворостин. На совещании в директорском кабинете Хворостин говорил о важности задания, о том, что в министерстве не сомневаются в способности Мотовилихи справиться с ним. Я слушал, а внутри всё кипело. Хорошо тебе, думаю, приказывать. А вот как за 50 дней разобрать 125 пушек, развезти по цехам агрегаты, провести с ними работу по восстановлению требуемых параметров, вновь свезти на сборку, собрать орудия, сдать заказчику, а потом ещё и отстрелять в «карьере»? В общем, поднял я руку, прося слова. И. Д. Галимов полоснул меня грозным взглядом, но остановить уже не мог. Я чувствовал, что мне не дадут много говорить, и потому произнёс всего несколько слов: «Я артиллерист и знаю, как нужно собирать пушки. Но этих пушек в этот срок не будет!»

Мои слова повергли присутствующих в шок, а тогдашнего директора завода Ю. Л. Кузнецова просто в ярость. «Вон отсюда!» – гаркнул он. Уже выходя, я услышал пущенную мне вдогонку реплику Хворостина: «Тоже мне, артиллерист нашёлся!»

После праздников я встретил у заводоуправления начальника мехпроизводства В. Н. Володина и секретаря парткома Н. И. Попова.

– Ну, Геннадий Алексеевич, ты молодец,– протягивая руку, сказал Николай Иванович.– Ты даже не представляешь, какую тяжёлую ношу снял с завода. Ведь все прекрасно понимали, что задание невыполнимо, только сказать об этом не осмеливались.

– Безумству храбрых поём мы песню,– улыбаясь, добавил Володин.

– А я уж было подумал, что меня уволят,– ответил я.

– Подожди увольняться, ещё поработаем: сроки-то передвинули на первый квартал,– рассмеялись оба.

В конце декабря 1981 года И. Д. Галимов потребовал от меня график переборки и сдачи М-46 с учётом новых сроков. Ильяс Даутович спешил на встречу с директором завода и вновь приехавшим к нам А. Е. Хворостиным. График требовалось предварительно подписать у Ю. А. Булаева, который был тогда начальником первого механического производства. Но Юрия Андреевича на месте не оказалось, и тогда Галимов приказал мне самому подписать документ. Памятуя о своей «радостной» встрече с представителем министерства, я и подписал: «Капитан-инженер артиллерии Воронцов». Увидев такой автограф, Ильяс Даутович хмыкнул и, ничего не сказав, сунул бумагу в папку. Как потом рассказывал зам директора по кадрам Б. И. Дёмин, моя выходка заставила Ю. Л. Кузнецова и А. Е. Хворостина усомниться в нормальности моего психического состояния. Вот тогда И. Д. Галимов и напомнил Хворостину его реплику.

После этого эпизода Ильяс Даутович неизменно приветствовал меня словами: «Здравия желаю, товарищ капитан-инженер!». Правда, с 1987 года я стал его поправлять, так как мне было присвоено звание майора.

Переборку 125-ти пушек М-46 мы завершили в первом квартале 1987 года в полном соответствии с графиком. Вспоминая то время, не могу не назвать имена людей, внёсших ощутимый вклад в выполнение этого задания: бригадир слесарей-сборщиков Павел Малеев, слесари-сборщики из цехов 17 и 11 Геннадий Янковский и Анатолий Головков, слесари отдела испытаний Александр Маслов и Сергей Подыниглазов, инженеры отдела испытаний Владислав Чепушканов, Александр Тарасов и Юрий Костин. Спасибо вам, друзья!

Особые условия боевых действий в Афганистане заставили Главкома ВДВ В. Ф. Маргелова обратиться к руководству государства с просьбой о создании нового мощного артиллерийского орудия. По мнению Маргелова, оно должно быть авиадесантируемым, на гусеничном ходу, плавающим и с хорошей бронёй. Для базы орудия Главком предлагал транспортёр БТР-Д, который очень хорошо зарекомендовал себя в афганских событиях.

Постановление о разработке системы было принято в июле 1981 года, и многие предприятия, в числе которых назывался и наш завод, немедленно приступили к научно-исследовательским и конструкторским работам. Сроки, как всегда, были жёсткими, но нам удалось уложиться в них. Так впервые в мировой практике было создано универсальное

«Нона» САО 2С9-1 «Свиристелка», снаряжённая для десантирования.

артиллерийское орудие, совместившее в себе свойства миномёта и пушки. При этом оно могло использовать все типы отечественных и зарубежных мин калибра 120-мм и специальные 120-мм осколочно-фугасные снаряды, мощность которых была сопоставима со 152-155-мм ОФС.

Полностью снаряжённое САО 2С9 «Нона» могло преодолевать водные преграды плавом со скоростью до 10 км/час. По грунту самоходка способна была двигаться со скоростью до 60 км/час. Было выполнено и требование по возможности авиадесантирования: «Нону» можно было сбрасывать с помощью парашютно-реактивной системы или на десантируемых платформах.

Уже в 1982 году группе специалистов, участвовавших в создании этой системы, была присуждена Государственная премия. В числе лауреатов были и мотовилихинские инженеры Р. Я. Шварёв и А. Ю. Пиотровский.

Первый же опыт эксплуатации «Ноны» в Афганистане подтвердил её высокие боевые качества. Но вместе с этим военные высказали пожелание об увеличении боезапаса орудия. Конструкторы и производственники Мотовилихи вплотную занялись этой проблемой, и в середине 1986 года четыре доработанных установки были готовы для испытаний в войсках ВДВ. Но сначала модернизированной «Ноне» предстояло пройти испытания на подмосковном полигоне ГБТУ. Сразу скажу, что прошли они успешно. Программа предусматривала проверку эргономики орудия, развесовку и испытания плавом. Когда эта программа была выполнена, я получил сообщение, что «Нона» будет отгружена в одно из артиллерийских подразделений ВДВ, находящееся в Закавказском военном округе. Штаб дислоцировался в Кировабаде. С этим городом у меня были связаны самые тёплые воспоминания: после завершения учёбы в военной школе авиамехаников я был направлен в полк фронтовых бомбардировщиков ИЛ-28, в котором и отслужил срочную, а полк

находился именно здесь. И даже штаб дивизии ВДВ, куда я прибыл в командировку, располагался в том же здании, что и штаб моего тогдашнего полка.

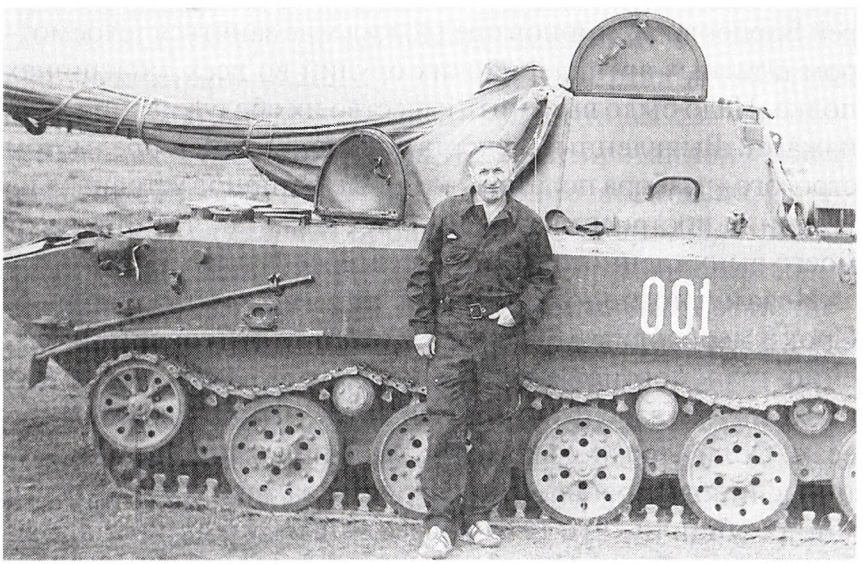
Меня уже ждали представитель штаба ВДВ подполковник А. Б. Смирнов и полковник из ГРАУ А. К. Фёдоров. С ними я и выехал в город Шамхор, где располагался артиллерийский полк ВДВ.

Сергей Геннадьевич Кузнецов, зам. руководителя военной приёмки.

Программой были предусмотрены сначала пробеговые испытания «Ноны». Ответственность за них была возложена на инженера Волгоградского завода В. А. Ермолаева и представителя военной приёмки подполковника С. Г. Кузнецова. Я оказался свободен, и Андрей Борисович Смирнов предложил мне заняться техосмотром штатных артиллерийских орудий во всех дивизионах полка. Надо было выяснить качество их обслуживания экипажами. Выявленные недостатки становились предметом строгого «разбора полётов», которые Смирнов устраивал на утренних построениях личного состава. Так что польза от моего вынужденного «безделья» всё же была.

Незаметно подошло время испытательных стрельб. Сроки необходимо было согласовать с руководством военно-транспортной авиации, которая базировалась на кировабадском аэродроме. Съездив туда, мы договорились обо всём. Оставалось только ждать запланированной даты. Тут-то нас и подстерегала неприятность: за три дня до стрельб мне сообщили, что сломался один из узлов крепления топливного бака «Ноны». Это был настоящий удар! Бак

устанавливался в боевом отделении самоходки и, чтобы его заменить, требовалось демонтировать артиллерийскую систему вместе с башней. Тут без автокрана и слесарей-сборщиков с нашего завода никак было не обойтись. А я в своё время отказался от них, полагая, что они мне не потребуются. Ситуация была, что называется, пиковая: пока я вызову слесарей, пока они прибудут – сроки стрельб, согласованные с авиацией, давно пройдут. Да и сроки выполнения всей программы испытаний будут сорваны. Тут уж надо было крутиться самому. И я решил действовать на свой страх и риск: решил сам произвести переборку «Ноны». Мне требовался только автокран. Но вместо него удалось найти только автомашину с установленной в кузове кранбалкой. По высоте подъёма и разрешённой грузоподъёмности это сооружение вроде бы подходило. Да и выбирать мне не приходилось. В общем, залез я в самоходку, открутил болты крепления башни, отсоединил все патрубки и кабельные разъёмы. Шамхор – не Пермь. В жарком, раскалённом солнцем чре-



Испытания «Свиристелки». Г. А. Воронцов на подмосковном полигоне ГБТУ.

База 103 ВДД в Кабуле, Афганистан, 1988 г. Слева направо: А. И. Старков, А. Ю. Пиотровский, П. С. Грачёв, А. Б. Смирнов.

ве самоходки работать было тяжело, но я старался не думать о неудобствах. Мозг сверлила одна мысль – только бы успеть! И вот башня взмыла вверх. Быстренько поменяв топливный бак, я вылез на броню и дал команду на установку артиллерийской части. То, что произошло в следующее мгновение, до сих пор вспоминается, как кошмарный сон: башня резко двинулась на меня, и всей её тяжестью я оказался прижат к корпусу «Ноны». Ощущение было такое, будто затрещала грудная клетка. На моё счастье, крановщик среагировал быстро и я,облегчённо вздохнув, продолжил работу. Когда она была закончена, и я спрыгнул с брони, Андрей Борисович Смирнов сказал: «Ты, Геннадий Алексеевич, видно в рубашке родился. Из такой передряги целым вышел, да ещё и дело сделал».

Наконец, несмотря ни на что, наступил день, к которому мы все стремились,– день стрельб. Орудие заняло огневую позицию. Расчёт подготовил его к выстрелу, и я с нетерпением ждал, когда грянет пушка «Ноны». Но тут произошла

какая-то заминка. Я даже напрягся: неужели опять что-то произошло? Подошедший А. Б. Смирнов успокоил меня и сказал: «Знаешь, мы посоветовались с коллегами и решили, что право первого выстрела принадлежит тебе и только тебе. Так что давай, пушкарь, действуй». Вот это была настоящая награда!

Шамхор, на огневой позиции. Слева направо: Е. И. Калинин, К. Г. Маркаров, Г. А. Воронцов.

При расставании Смирнов сообщил, что им направлено представление о присвоении мне очередного воинского звания – майор. А потом с улыбкой добавил: «Теперь, как старший офицер, ты будешь иметь право проезда в мягком вагоне, наравне с генералами».

Самые тёплые воспоминания остались у меня об этом душевном человеке. Ведь он был единственным в нашей комиссии, кому испытания «Ноны» доставили немало горьких переживаний. Из-за недисциплинированности экипажей во время пробеговых испытаний одно из орудий было выведено из строя, а его механик-водитель серьёзно травмирован. Поскольку подполковник Смирнов отвечал за программу, вся эта история стоила ему дорого. Тем не менее, программа всё же была выполнена. И, прощаясь с Андреем Борисовичем, я прочитал ему строчки, которые родились в этой непростой командировке:

Вот и кончились Ваши страдания,
Мне домой возвращаться пора.
Подполковник Смирнов, до свидания!
Нам Шамхор не забыть никогда!

В 1987 году подполковник А. Б. Смирнов был откомандирован в Афганистан на должность командира артиллерийского полка. А одно из орудий «Нона», с которыми мы работали в Шамхоре, продолжило испытания уже там, в боевой обстановке. Показало оно себя прекрасно, что и подтвердил побывавший в 1988 году в полку у Смирнова начальник КБ ОКО-1 нашего завода А. Ю. Пиотровский.

В 1988 году наше предприятие перешло на производство 120-мм самоходных орудий 2С9-1 «Свиристелка». Мои испытания продолжались.

Шамхор, полевой лагерь на пробеговых испытаниях. Второй слева В. И. Глуховский, четвёртый слева А. Б. Смирнов, пятый слева Г. А. Воронцов, шестой слева В. А. Ермолаев, С. Г. Кузнецов.

Работа по испытанию изделий завода – это, конечно, серьёзное дело. В него включены, как правило, конструкторы, представители заказчика, сборщики, водители. Нередко присутствовали и москвичи – сотрудники ГРАУ. Забот обычно хватало всем. Но даже в напряжённом графике случались «окна», когда все мы могли позволить себе небольшой отдых. Такие нечастые антракты становились для нас настоящими подарками судьбы. Один такой «подарок» запомнился мне очень хорошо.

Дело было в одной из воинских частей Закавказского военного округа, где мы проводили пробеговые испытания «Ноны». Как-то к нашей группе подошёл один из офицеров этой части и предложил съездить на рыбалку. Поскольку я сам заядлый рыбак и охотник, то это предложение меня, наверное, больше всех и обрадовало. Кроме того, интересно было посмотреть, как ловят рыбу в этих местах.

Команда примерно из десяти человек погрузилась в автобус и покатила. Ехать по тамошним дорогам одно удовольствие, красоты неописуемые. Любуясь ими, мы и не заметили, как добрались до места – огромного водохранилища на реке Куре. Рыбаки наши подхватили нехитрые снасти и кинулись к воде, на ходу разматывая удочки. На мою долю выпала приёмка рыбы, которую ловцы посулили «в-о-о-т такую» и её подготовка на уху. Костровым вызвался быть представитель заказчика на нашем заводе подполковник Александр Петрович Гладких.

Так как клёв был отличным, то вскоре мы с ним вплотную занялись ухой. От обилия рыбы мне даже пришлось сварить тройную. А потом был весёлый вечер у костра. Все отдавали должное мастерству поваров, за обе щёки уписывая ароматное варево. Под уху да под рюмочку вечер пролетел незаметно. А под утро рыбы добавилось ещё больше: сетка, поставленная на ночь, принесла совершенно немыслимый улов! Мои спутники ещё спали, и я решил заняться разборкой рыбы. Занятый этой приятной работой, я даже не заметил, как рядом со мной появился какой-то человек кавказской наружности. Одетый в полувоенную форму, с офицерским планшетом через плечо и «Макаровым» в кобуре, он производил сильное впечатление. Незнакомец, по лицу было заметно, приготовился к решительным действиям. Я же, вглядевшись в кокарду на его фуражке, сообразил, что судьба подарила мне встречу не только с прекрасной рыбалкой, но и с местным рыбнадзором.

– Здесь не больше пяти килограммов на брата. Норма, – опережая возможные претензии проговорил я.

– Э, дарагой, какая норма? Кто тэбе такую норму установил? – завёлся джигит.

Я объяснил, что такая норма существует у нас на Урале, и установлена она Правилами рыболовства.

– Какие правила, э? Вы хоть знаете, гдэ находитесь? Здэсь государствэнный заказник,– и «рыбнадзор» полез в свой

планшет за бланком протокола. Вытащив бумагу и ручку, он спросил, кто в нашей «компании браконьеров» старший. Честно говоря, я уже тоже завёлся: меня возмутил нахальный тон инспектора и то, что он так бесцеремонно определил нас в браконьеры. Стараясь всё-таки сдерживать себя, я ответил, что старшего он как раз перед собой и видит. Я действительно был в нашей команде старше всех по возрасту.

– Гавари: как зовут? – спросил сын гор.

– Пишите, Воронцов Геннадий Алексеевич, – ответил я.

Он заполнил первую строчку протокола и задал очередной вопрос: «Воинское звание?».

Не знаю, что на меня нашло, но, ни секунды не раздумывая, я брякнул: «Генерал!».

И тут же услышал голос: «Не надо Геннадий Алексеевич, не надо!». Оказывается, мои товарищи, разбуженные нашей перепалкой, с интересом следили за развитием событий. А урезонить меня попытался подполковник А. Б. Смирнов. Но меня уже понесло.

Шамхор, выезд на рыбалку.
Первый ряд справа налево: Г. А. Воронцов, А. Б. Смирнов, В. И. Глуховский.

– Тридцать лет назад я проходил здесь срочную службу,– я перевёл дыхание и заговорил спокойнее,– а сейчас приехал к своему другу – командиру дивизии, генералу ВДВ. А это его сослуживцы, которым он поручил свозить меня на отдых, порыбачить.

Ветеран ВДВ А. Б. Смирнов.

Рука, заполнявшая протокол, застыла в воздухе, а потом медленно опустилась. Инспектор ошарашенно посмотрел на меня и нашу компанию, а затем сложил свою бумагу и отправил её в планшет. Воцарилось неловкое молчание. Затем, преодолев замешательство, «рыбнадзор» спросил, когда мы собираемся уезжать. Получив ответ, попросил подвезти его до дома. Просьбу эту мы, конечно, выполнили, но расстались без сожаления.

В расположение полка мы приехали к обеду. В столовой А. Б. Смирнов сказал: «Геннадий Алексеевич! С этого дня ваше место – во главе стола». Прапорщик, который обслуживал нашу комиссию, округлил глаза. Заметив его изумление, подполковник Смирнов продолжил: «А вы, товарищ прапорщик, должны знать, что отныне пробу пищи будет снимать только генерал Воронцов. Не обращайте внимания, что он не в форме – это для конспирации. Так что блюдите воинский Устав».

Прапорщик почтительно покосился на меня и поставил передо мной тарелку.

Вот так в одно мгновение я и стал генералом. Хорошая, доложу вам, должность.

В соответствие с директивой ГРАУ всем специалистам, участвовавшим в производстве и испытаниях САО 2С23 «Нона СВК», было предписано прибыть в Учебный центр Туркестанского военного округа. Центр этот находился практически на границе с Ираном, с южной стороны Копетдагского горного хребта.

Надо сказать, что бытовые условия там были прекрасные. Впрочем, оно и понятно – здесь готовился офицерский состав Советской Армии для прохождения службы в Афганистане. И всё было бы хорошо, если бы не изнуряющая жара. Даже в тени столбик термометра зашкаливал за 40 градусов. В таких условиях, максимально приближенных к боевым, нашей группе и предстояло провести испытания «Ноны».

Председатель комиссии заместитель начальника службы ракетно-артиллерийского вооружения Северо-Кавказского ВО полковник И. М. Кирилюк ознакомил нас с программой работ. Она включала в себя несколько важных пунктов. Во-первых, нам нужно было подготовить боевые расчёты к выполнению испытаний. Во-вторых, следовало подготовить

САО 2С23 «Нона-СВК».

Расчёты боевых машин и члены рабочей комиссии. В центре – председатель комиссии полковник И. М. Кирилюк.

и сами боевые машины к 250-километровому маршу в условиях песчаной и горной местности, к преодолению водных преград. На нас ложилась также подготовка боевых позиций для огневых испытаний, выполнение программы стрельбы в установленных режимах и, наконец, техническое обслуживание машин.

С первым пунктом программы нам очень повезло: многие из военнослужащих уже принимали участие в боевых действиях на территории ДРА и именно на машинах 2С9 «Нона-С». Начальник заводского КБ А. Ю. Пиотровский, представитель военной приёмки майор А. Е. Берёзкин и я довольно быстро приняли зачёты по эксплуатации артиллерийской части. «Экзамены» по самоходам принимал военпред из Горького подполковник В. Б. Панкратов. Он же участвовал в 250-километровом марше боевой колонны.

Хотя первые пункты программы и были важны, но с особым нетерпением все ждали испытаний стрельбой. Момент этот вскоре наступил. В составе комиссии мы выехали на позиции. Увидев их, я буквально ахнул: позиции были устроены великолепно! И когда только военные успели перелопатить такой огромный объём земли? Ведь в качестве инструмента они должны были использовать лишь тот, что штатно прилагался к «Ноне». А это только лопаты, ломы, кувалда да топор. Потом-то ребята из экипажей открыли секрет производительности труда – тротиловые шашки.

Стоял невероятно жаркий день, броня самоходов нагрелась до 68 градусов. Кругом пески. Условия для работы тяжелейшие. Мы-то были уверены, что техника, которую сделал наш завод, выдержит. А вот выдержат ли люди? Чтобы читатель понял, насколько серьёзным было отношение к подобным испытаниям, скажу, что на них проверялись не только машины. Контролировалось также физическое и психоло-

Фотография на память. Военный госпиталь, Ашхабад, октябрь 1989 г.

гическое состояние боевых расчётов. На испытаниях, о которых я рассказываю, такой контроль осуществляли специалисты Ленинградской Военно-медицинской академии. Они же регулярно брали пробы воздуха из боевого отделения «Ноны». Короче говоря, всё, что можно было выяснить на полигоне, тщательно выяснялось. В бою любой просчёт чреват гибелью людей. В связи с этим нам, представителям Мотовилихи, необходимо было проверить собственные расчёты критической точки нагрева ствола, после которой возможно было самопроизвольное воспламенение заряда. По нашим прикидкам, такая температура могла возникнуть где-то в районе 110 выстрелов. И мы с тревогой ждали этого момента. До 103-го выстрела всё шло нормально, а потом орудие неожиданно замолчало. Люк открылся, и боевой расчёт буквально вылетел из нутра самохода. Ещё через мгновение над полигоном загремела команда полковника Кирилюка: «Пермяки! К орудию!». Я и слесарь цеха № 6 Пётр Тулаев бросились к машине. Заглянув в боковой люк, мы увидели, что грибовидный стержень досылки выстрела не до конца вошёл в зарядную камору, а клин не закрылся. Я ещё и сообразить ничего не успел, как Тулаев с криком: «Кувалду!» заскочил в боевое отделение. Я подал ему инструмент. Пётр Николаевич легонько ударил по клину, и всё встало на свои места. Ни секунды не медля, Пётр тут же произвёл выстрел.

А произошло следующее: остатки несгоревших частиц картузов заряда налипли на поверхность грибовидного стержня и помешали ему до конца войти в зарядную камору. Хорошо, что П. Н. Тулаеву уже приходилось встречаться с подобной ситуацией и он знал, что нужно делать.

Комиссия приняла решение продолжать стрельбу, и над полигоном снова загремел раскатистый голос «Ноны». Через несколько выстрелов чётко сработал датчик предельного нагрева, и испытания завершились. По результатам работ было

Туркменистан. Указатель направления на Москву (1989 г.).

принято решение рекомендовать САО 2С23 «Нона-СВК» на вооружение сухопутных войск Советской Армии.

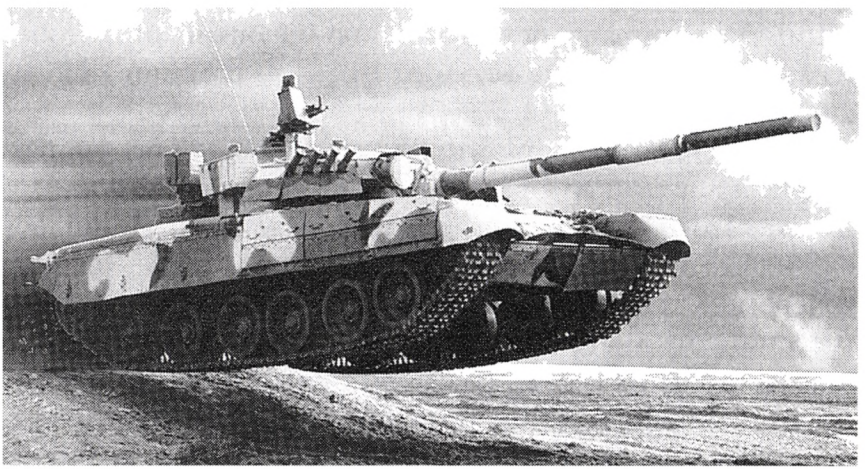
...Из Ашхабада мы улетали 19 октября 1989 года. В столице Туркмении стояла тёплая, солнечная погода. А через несколько часов нас уже встретила погода родная и более привычная: в куйбышевском аэропорту «Курумоч» шёл дождь со снегом и дул пронизывающий ветер.

В 1990 году наш завод приступил к серийному производству «Ноны-СВК». К великому сожалению, выпуск этих замечательных машин длился недолго. Великая держава рухнула, а вместе с ней рухнули и многие планы предприятия. Но большое дело, которое с честью осуществил коллектив Мотовилихи, всё же осталось.

Хочу рассказать о войсковых испытаниях артиллерийских орудий и командирских машин управления огнём самоходной артиллерии производства нашего завода, проводимых в условиях низких температур Восточной Сибири в Забайкальском военном округе зимой 1980/81 годов.

Наш завод представил тогда следующие образцы вооружения: 125-мм гладкоствольные танковые пушки 2А46М-1 на базе танка Т-80 производства Ленинградского Кировского завода; 152-мм самоходные гаубицы 2С3 «Акация» (артиллерийская часть 2А33) производства Свердловского завода транспортного машиностроения; комплексы 1В12 управления огнем самоходной артиллерии (на базе МТЛБу производства Харьковского тракторного завода им. Малышева).

В состав комиссии по проведению войсковых испытаний были назначены представители нашего завода заместитель начальника отдела испытаний № 1 Г. Н. Кузьмук и представитель военной приёмки майор А. П. Баженов.



«Летающий танк» Т-80 с 125-мм гладкоствольной пушкой 2А46М-1.

Испытания начались в установленные приказом МО сроки и проходили в соответствии с программой. Однако 23 декабря 1980 г. поступила директива ГРАУ о срочном вызове в Забайкалье заводских специалистов для решения вопроса о возможности восстановления одной из танковых пушек 2А46М-1, получившей повреждение. Какое повреждение и по какой причине оно произошло, телеграмма не сообщала. Мы попытались связаться по телефону с местом событий, но нам это не удалось. Версия сотрудников ГРАУ была такой: произошло столкновение пушки с каким-то препятствием или её повреждение при «нырке» танка.

Мы быстренько собрали бригаду специалистов, в которую вошли ведущий инженер-конструктор этих пушек Г. Н. Лыгин, заместитель начальника ОТК сборочного цеха № 17 А. Н. Шардаков и опытный слесарь-сборщик цеха № 17 Валерий Плешков. Перед выездом обсудили все возможные варианты поломки и необходимый инструмент для восстановления орудия. Решили, что без гладкого калибра для проверки прямолинейности канала ствола нам не обойтись. Представляет он собой стальной полый толстостенный цилиндр диаметром 125 мм и длиной не менее 700 мм, весом порядка 16–18 кг. С ним мы и отправились на станцию «Оловянная», которая находится посередине ветки от Читы до станции «Забайкальск».

Добирались до места, что называется, на перекладных. Сначала поездом до Свердловска, затем самолётом до Иркутска. Потом снова поездом с пересадками. Пришлось ехать даже в кабине машиниста грузового состава. Наконец вечером 28 декабря прибыли на «Оловянную». Разыскали гостиницу местного военного гарнизона, и уже предвкушали, как отдохнём и отогреемся после хождений по сильному морозу с тяжёлым грузом. Однако радовались рановато: температура в нашем «отеле» не превышала восьми градусов. Дежурная, глядя на нас с сочувствием, предложила комнату

на четверых, а из постельного белья – по два армейских одеяла и по два матраца, объяснив, что один из них можно использовать в качестве добавки к одеялам.

Утром приступили к поискам нашей пушки. И тут оказалось, что всё руководство и комиссия по проведению войсковых испытаний находятся на станции Мирная, соседней с Оловянной. Добравшись туда, я отправился с командиром одного из батальонов в парк дислокации боевой техники. Парк был обнесен со всех сторон проволочным заграждением, и я порадовался, что боевая техника так строго охраняется. Комбат сообщил, что есть и часовой. Однако у входных ворот мы его почему-то не увидели. Зато увидели небольшую калитку. Она была снята с петель. При этом на ней висел замок и дощечка с неразрушенной пломбировкой. Мы вошли на территорию и начали поиск часового. Проходя мимо одного из боксов, услышали какое-то шипение. Комбат резко открыл створку ворот, и перед нами предстала следующая картина. На бетонном полу горела паяльная лампа, рядом с ней на корточках сидел боец и грел ладони. Первым пришёл

в себя часовой и попросил закурить. Естественно последовали гневные выражения комбата и оправдания солдата. Впрочем, парня можно было понять: ведь мороз в тот день доходил до 53 градусов!

Следующую ночь мы провели уже в казарме, просторном помещении, отапливаемом печками-буржуйками. Все члены комиссии были поставлены на питание в солдатской столовой. Для нас это стало просто подарком судьбы. Очень уж хотелось отогреться, нормально выспаться. В промёрзшей гостинице это было невозможно. И поэтому мы покинули её без всякого сожаления. По пути в казарму забежали в местный магазин. Продавец в овчинном тулупе, широко повёл рукой: выбирайте, дескать. Покупать мы ничего не собирались. Отметили только, что в продмаге царит такая же холодрыга, как и в гостинице. Даже водка замёрзла: внутри каждой бутылки образовался ледяной столбик. Кто-то из моих спутников заметил: «Оказывается сталактиты и сталагмиты растут не только в Кунгурской пещере».

Повреждённую пушку наш конструктор Г. Н. Лыгин разыскал с помощью представителей Кировского завода. А произошло следующее. Танки, двигаясь в колонне, обязаны сохранять между собой установленную дистанцию. Возвышение стволов орудий определено положением «по-походному», которое имеет стопорение в башне. При выходе танков на огневые рубежи стопорение снимается, после чего положение ствола (наводку) производит наводчик. В нашем же случае следующий ранее в колонне танк по какой-то причине начал сдавать назад, не предупредив по рации о своих действиях машину, идущую за ним. Из-за несогласованных действий двух экипажей и произошел наезд сдающего танка на броню танка за ним следовавшего. След от наезда траков на броню до уровня верхнего крюка так и остался. При этом корма сдающего танка уперлась в ствол пушки, в результате чего и произошло разрушение болтов, крепящих бронемаску.

С помощью полевой ремонтной мастерской Валерий Плешков устранил все замечания. Пригодился и калибр для проверки прямолинейности канала ствола и отсутствия его деформации. Допуск пушки к использованию по назначению был нами оформлен соответствующим актом и предъявлен комиссии, проводящей войсковые испытания. На этом наша миссия закончилась. А в Забайкалье на весь период испытаний в качестве наблюдателя был откомандирован инженер-конструктор КОИ-2 В. С. Ермаков. И с этим заданием он справился успешно.

Как быстро летит время... Кажется, ещё совсем недавно вся жизнь была подчинена заводу и его интересам. А теперь – дача, сад, рыбалка. Живи и радуйся, пенсионер! Но всё чаще и чаще приходят мысли, что те, прошедшие годы, несмотря на трудности, были самыми счастливыми в моей судьбе.

Иногда я встречаюсь с моими «однополчанами» – людьми, с которыми работал в отделе испытаний и опытном конструкторском отделе № 1 СКБ. И мы вспоминаем прошлое, вновь и вновь оживают в нашей памяти разные интересные ситуации, с которыми приходилось сталкиваться. Об одной из них – мой сегодняшний рассказ.

Было это в начале 1987 года. Только что прошли войсковые испытания 120-мм самоходного орудия 2С9-1 «Свиристелка»,

7 ноября 1987 г. Члены коллектива ОКО-1. В. Х. Гайнуллин, Р. Я. Шварёв, В. П. Обухов, А. Ю. Пиотровский, Г. А. Воронцов.

успешно работают в Афганистане и наши 2С9 «Нона-С». Специалисты завода участвуют в гарантийном обслуживании этих орудий непосредственно в 40-й армии. Некоторые из заводчан даже носят звания ветеранов ВДВ. Так нашу технику и нашу работу в частях оценивают военные.

В этот внешне благополучный период главному конструктору завода Ю. Н. Калачникову стало известно, что на Чапаевском полигоне под Куйбышевом (ныне город Самара) военная приёмка задержала несколько партий выстрелов. Причина – осечки. Подчеркну, контрольный отстрел проводила мотовилихинское детище «Нона-С». Своими силами полигон не смог определить причину сбоев и потому просил о срочном приезде наших представителей. Аналогичная просьба была направлена и руководству Казанского порохового завода – производителю капсюльных втулок «Жевело», входящих в комплектацию выстрелов.

Заместитель главного конструктора Р. Я. Шварёв пригласил к себе начальника КБ А. Ю. Пиотровского и меня. Мы сообща обсудили сложившуюся ситуацию, попробовали заочно определить причину осечек, наметили предварительный план нашей работы в Чапаевске. И вот, вооружившись прибором для определения твёрдости металла по методу Бринеля, мы с Александром Юрьевичем отправляемся в командировку. Едем через Казань, где нас уже дожидается представитель порохового завода Сергей Ювенальевич Меньшиков.

Работа наша началась с осмотра деталей стреляющего механизма – бойка и боевой пружины. Никаких дефектов обнаружено не было, детали соответствовали чертежам и контрольным шаблонам. Проверяем шаблоном усадку пружины в процессе её эксплуатации. И здесь результат положительный. Короче говоря, мы проверили всё что можно: глубину накола бойком капсюльной втулки, центральность самого накола, его диаметр. Всё в норме! А это значит, что

осечки происходят не по вине стреляющего механизма. Другими словами, «Мотовилиха» здесь не при чём.

Вернувшись в Пермь, мы с А. Ю. Пиотровским доложили своему руководству о результатах поездки. Руководство с удовлетворением приняло наш доклад, но, как показали дальнейшие события, радовались мы рановато. Казанскому пороховому заводу удалось доказать, что его производство в осечках тоже не виновато. И, дескать, причина всё равно в стреляющем механизме. Если этот вывод верен, то по так называемому нулевому бюллетеню наш завод обязан был произвести доработку всех ранее выпущенных орудий. Понятно, что такая перспектива мало кого воодушевляла. И Ю. Н. Калачников, вызвав меня, сказал буквально следующее: «Пожар» в Чапаевске надо погасить. На тамошнем полигоне скопилась огромная партия выстрелов на сумму порядка шести миллионов».

И вот я снова в Чапаевске. На полигоне познакомился с начальником военной приёмки. Он оказался нашим земляком: прибыл в Чапаевск с завода «Урал», что в Березниках. Потом было ещё одно знакомство – с помощником руководителя приёмки. Этот майор сразу понравился мне своей преданностью службе и настойчивостью. Он буквально ни на шаг не отходил от меня, внимательно наблюдая за моими действиями.

Ещё в Перми мы с А. Ю. Пиотровским решили, что следует проверить жёсткость боевой пружины (в предыдущую командировку мы этого не делали). И наша догадка подтвердилась! В механической лаборатории мы вместе с помощником руководителя военной приёмки полигона дважды нагружали пружину, определяли её усадку на соответствие требованиям чертежа. Причина осечек орудия была найдена: пружина не соответствовала этим требованиям. Майор радовался, наверное, больше чем я. Ведь задача, над которой долгое время бились десятки людей, была наконец

9 мая 2005 г., Парк Победы. Артиллеристы Мотовилихи: А. В. Маслов, В. А. Шардаков, И. И. Горбунов, Г. М. Катаргин, В. А. Овчаренко, В. А. Ходырев, Г. А. Воронцов и конструктор КБ Ф. Ф. Петрова А. А. Шихов

решена. Он побежал оформлять акт исследования, который и был вскоре готов. Оставалось только заверить его подписью начальника приёмки. А была суббота, то есть выходной день. Поэтому, усевшись в «Рафик», мы поехали на квартиру к подполковнику. Но того дома не оказалось: в баню ушёл. Помчались мы в поселковую баню. Не успел «Рафик» остановиться, как наш майор выскочил из машины и кинулся искать своего начальника. Вернулся потный, раскрасневшийся, но очень довольный. Уже на обратном пути рассказал, как нашёл подполковника в парилке, как вытащил его в предбанник, как тот дважды перечитал акты и, не сделав ни одной поправки, подписал их.

Примерно через год появился и нулевой бюллетень на доработку наших пушек. Однако, когда производство было уже готово к выпуску боевых пружин, выяснилось, что от-

дел комплектации не может найти поставщика проволоки нужной марки. А. Ю. Пиотровский тогда заявил мне: «Ты родил этот бюллетень, ты и проволоку ищи». Так что для меня история эта ещё не закончилась.

А проволоку удалось найти на заводе имени Лепсе в Кирове. Там её делали для катапультирующихся кресел самолётов. Щедрые производители выделили нашему предприятию целый моток весом примерно в четверть центнера. Этого количества с лихвой хватило для доработки выпущенных ранее орудий и ещё осталось для комплектации новых.

Мне особо памятен период организации КБ отдела испытаний и становления его коллектива. Уверен, я не ошибся, пригласив тогда своих бывших студентов Н. Н. Праздникова, А. И. Пепеляева и Н. А. Никитина. В своё время они окончили механический техникум имени Н. Г. Славянова. Я читал им спецкурс «Производство артиллерийских систем». У меня же они готовили и свои дипломные работы по проектированию и изготовлению в металле действующих моделей специальных станков, применяемых в заводском производстве – глубокого сплошного сверления, расточки и образования нарезов при изготовлении стволов. Словом, я знал деловые качества этих специалистов, их творческий потенциал.

Несколько позже, после службы в армии, в КБ пришли А. Л. Тарасов, В. Д. Чепушканов, Г. Л. Сорокин и А. С. Меленьтьев.

Удалось мне «завербовать» тогда и выпускников машиностроительного факультета кафедры «Импульсные тепловые машины» Пермского политехнического института Ю. Е. Маргина, В. Ф. Фотина, Ю. П. Костина, В. В. Зуева, В. Д. Шаталова и В. В. Буканова.

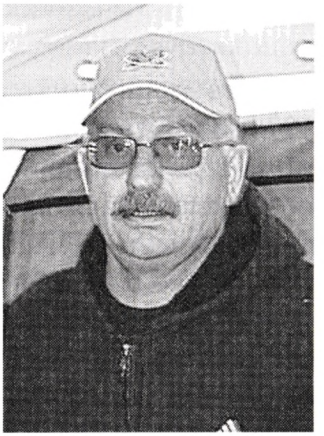
Очень хорошо мы сработались с А. В. Масловым. Этот человек пришёл к нам по направлению из основного сборочного цеха №17. Александр Владимирович имел специальность слесаря механо-сборочных работ. За годы работы в КБ он приобрёл неоценимый опыт испытаний всех артсистем, которые наш завод выпускал серийно. Где только ни довелось ему побывать! Впрочем, каждый из нашего небольшого коллектива вдоволь «покатался» по стране. Ведь системы с мотовилихинской маркой испытывались в Нижнем Тагиле и на полигоне «Красное» под Свердловском, на «Ржевке» под Ленинградом, в других местах. А сколько сотен ки-

лометров накатали мы, испытывая наши орудия возкой! И как бы ни складывались условия, с какими бы сложными ситуациями ни приходилось сталкиваться, сотрудники КБ всегда выходили из них с честью, всегда выполняли свою работу на совесть.

Давно уже нет нашего славного коллектива. Но ни один из его членов не потерялся в этой жизни. Годы испытаний закалили нас. Мы столько видели и перенесли, что нас трудно испугать житейскими неурядицами.

Сегодня я благодарю Всевышнего за то, что он соединил мою судьбу с судьбой моих замечательных коллег, за то, что дал нам возможность достойно пройти через непростые времена, выдержать наши испытания.

Геннадий ВОРОНЦОВ.



Владимир ФОТИН

...ДО СЕВЕРНЫХ МОРЕЙ

Мне исключительно повезло. После окончания в 1976 году Пермского политехнического института я пришёл по распределению на завод им. В. И. Ленина, где в то время создавалась служба внешних работ и испытаний. При активном участии Г. А. Воронцова и И. Д. Хальфана отдел кадров направил меня в отдел испытаний, где примерно через год я был назначен ведущим инженером-испытателем 152-мм самоходной пушки 2А37 «Гиацинт-С» (артиллерийская часть САУ 2С5).

Пушка в то время запускалась в серийное производство, и проводились первые периодические испытания, в которых принимал участие и я. В мои обязанности входило всё, от выпуска распоряжения по заводу до последней подписи на отчёте руководителя 1103 ВП МО. Первые испытания запомнились тем, что при контрольной разборке пушки в присутствии и при непосредственном участии комиссии для разметки и проверки соответствия деталей и узлов ЧТД выявилось 836 замечаний! Я, тогда молодой, не мог понять, много это или мало. Но меня поражало спокойствие членов комиссии и конструкторов-опытников, которые уходили наверх (первая пушка готовилась на испытания в опытном цехе № 6, где на антресолях помещалось и опытное КБ) и возвращались уже с конкретными предложениями.

Деловой настрой комиссии, тон в которой задавал военпред майор В. М. Стецюра, во многом способствовал отработке образца, поступающего в серийное производство. Потом было много испытаний, и, будучи уже начальником КБ, я принимал участие в испытаниях практически всех образцов ствольной артиллерии, выпускаемых заводом, но 2А37 была любимой, и я всегда стремился принимать участие в её испытаниях. В то время молодой коллектив КБ ствольной артиллерии для испытаний практически всё де-

лал сам. Мы грузили боеприпасы на «Пороховых», сопровождали изделия на полигоны в качестве охраны в автомобилях, в теплушках, за каждым из нас было закреплено оружие (револьверы системы «Наган»), и, главное, как номера расчётов принимали непосредственное участие в испытаниях стрельбой.

Программа испытаний стрельбой делилась на несколько групп, главной из которых была темповая стрельба на скорострельность или, как её называли, «режим». Если при остановке стрельбы при отработке других групп по решению комиссии испытания можно было продолжить, то «режим» нужно было начинать сначала. И неважно, произошла задержка на первых выстрелах или на последних и по какой причине. А если учитывать, что стоимость только комплектующих одного выстрела «Гиацинта» составляла 256 рублей (в то время сумма немалая), то понятно, какое внимание уделялось темповой стрельбе. Тем более, что за этим отказом следовали повторные испытания на двух образцах по полной программе.

Кстати на «режим», как правило, приезжала вся комиссия. С годами сложилось так, что на «режим» мы выставляли свой расчёт, поручая расчёту полигона только подготовку боеприпасов. Заряжающим на снаряд ставили самого физически крепкого: всё-таки болванки весили 46 кг, а с ними надо бегать. Иногда это поручалось мне, и я этим гордился. Второй номер расчёта становился на заряд. Третьему поручалось дергать за фал, закреплённый на ручке спуска ударного механизма, отслеживать длину отката и сбиваемость приборов наведения. Четвёртый (как правило, представитель заказчика) отслеживал время по секундомеру и записывал длину отката. Сам «режим» 2А37: 80 выстрелов полным зарядом в течение одного часа; 30 выстрелов за 10 минут; 25 выстрелов за 20 минут и 25 выстрелов за 30 минут. Беготня первые 10 минут обусловлена тем, что режим задавался

для САУ, то есть заряжание в штатном режиме происходит из боеукладки шасси (ёмкость которой 30 выстрелов). У нас же было технологическое шасси, а проще – самоходный стенд, и заряжать нам приходилось из положения «лотки на грунт» и перед каждым выстрелом бегать в укрытие. Да и боеприпасы выкладывались на безопасном расстоянии от орудия. В общем, беготни хватало. А если ещё учесть, что пушка, имея дульный тормоз, довольно чувствительно воздействовала на уши, да пыль столбом на позиции после первых выстрелов, да пороховая гарь, да волнение за результат, так как на тебя смотрит весь завод и от тебя зависит судьба годовой заводской программы...

В общем, адреналина получали в полной мере. Со временем мы стали не то чтобы суеверными, но определённые правила неукоснительно соблюдали. Накануне перед «режимом» было нельзя: встречаться с женщинами (а мы молодые и в командировке), употреблять алкоголь, играть в карты (любимой игрой был преферанс). При подготовке в день режима нельзя было вспоминать прежние отказы этой системы, нельзя было ссориться и даже спорить по любому поводу, при передвижении установки на позицию нежелательно было, чтобы дорогу пересекали женщины и кошки любого цвета. Кстати, на полигоне в поселке Старатель под Н.Тагилом женщины об этом видимо знали, а вот кошки... Считалось, хорошо, если навстречу попадалась лошадь (на полигоне на некованых лошадях развозили боеприпасы на позиции, видимо потому, что этот транспорт был искробезопасным). Нельзя было начинать стрельбу в «круглое» время, т. е. ровно в 10.00, 14.00, нежелательно и в «полукруглое» 10.30, начинали во сколько-нибудь с минутами. Во время стрельбы нельзя было произносить вслух количество оставшихся выстрелов. Но зато при успешном завершении «режима» все запреты снимались: комиссия отдыхала по полной программе. И обязательно ходили в баню.

Много было всякого на испытаниях. Запомнились зимние стрельбы 1978/79 года. У нас были совместные испытания с заводом «Трансмаш» на полигоне в поселке Красное под Свердловском. Испытания были переходящие, но в защиту программы 1978 года.

И вот 2 января (33 декабря по заводскому календарю) с утра мы на позиции. Мороз – минус 39. Подготовка орудия (удалили густую смазку из затвора, смазали жидкой – моторным маслом). Короткое совещание, распределение обязанностей, последний перекур и команда «Огонь!». Чтобы прогреть систему и плавно вывести её на режим, сделали 3 прогревных выстрела на уменьшенном заряде, осмотрели систему и перешли к зачётной стрельбе. После 8-го выстрела я начал замечать, что клин после досылки гильзы начал вяло закрываться и вот-вот «зависнет». Следующие 5–6 заряжаний я помогал закрываться ему ногами, обутыми в унты. Но чувствую, нагрузка возрастает, а стрельбу остановить нельзя. И тут мне на глаза попалась канистра. В неё с утра сливали дизельное топливо с самохода для разведения костра. После очередного выстрела хватаю канистру и обливаю открытый клин. Заряжаем – клин закрылся без моей помощи! Так и отработали до конца, периодически поливая клин затвора соляркой. Позднее, когда вернулись домой, узнали что родной испытательный участок завода «Песчаный карьер» не произвел ни одного выстрела до 5 января, пока не ослабли морозы, хотя у них тоже были системы декабрьской программы.

На испытаниях выявлялись недостатки конструкции, технологии изготовления, дефекты производства. Совершенствовались изделия, росли и мы, испытатели, как специалисты. Признанием нашего профессионального уровня стало включение в бригаду технической поддержки учений «Запад-81», которые проводились Правительством СССР летом 1981 года под городом Полоцком. Наряду с такими асами-

конструкторами, как Г. Н. Лыгин, Л. Н. Шабардин, К. Х. Арсланов, по ствольной артиллерии включили меня, а по системам РСЗО – В. Н. Герасимова. Вот где пришлось «попахать»! Но это тема отдельная.

В канун1990 года вызвал меня к себе заместитель начальника отдела по внешним работам и испытаниям Юрий Евгеньевич Маргин и приказал подобрать из состава отдела двух специалистов с безупречной биографией и без вредных привычек. Люди эти нужны были для выполнения ответственного задания – сдачи финнам 18 пушек 2А36 и комплектов ЗИП к ним. Причём сделать всё это, сообщил Маргин, надо будет в Финляндии. Возглавить группу он поручил мне.

Не колеблясь, я предложил инженера-испытателя Вячеслава Дмитриевича Чепушканова и инженера-доработчика Евгения Георгиевича Чащухина. Юрий Евгеньевич одобрил выбор и тут же куда-то по телефону сообщил наши фамилии. И нас начали оформлять, проверять, инструктировать. Иван Алексеевич Екимовских, начальник отдела режима в то время, подробно объяснял, что можно, чего нельзя в зарубежной командировке. Закончил он инструктаж словами: «Как там в Финляндии, я не знаю, никто с завода там не был, так что действуйте по обстановке и берегите честь советского специалиста».

Куда серьезнее к нашему выезду в Финляндию отнеслись в КГБ: нас инструктировали несколько раз. Эти беседы были настолько обстоятельны, что я даже переставал понимать цель нашей поездки к северным соседям. Однако самым грустным итогом этих встреч стало то, что нежданно-негаданно мы ста-

ли «жителями» Москвы. В столице нашей Родины я до этого бывал только проездом и страшно боялся, что встречу финнов, которые знают Москву лучше меня. Нам удалось уговорить товарищей из органов, чтобы нас «поселили» в Подмосковье. Выбрали город, который был закрыт для посещений иностранцами. Нам же он был знаком неплохо, так как на полигоне в Красноармейске проводили периодические испытания пусковой установки 2П130.

Понимая, что мы едем не только работать, но и крепить советско-финскую дружбу, нас предупредили, что финская сторона пропускает через границу три бутылки крепких напитков на брата. В общем, 7 января 1990 года мы сели в поезд № 1 «Лев Толстой» и отправились по маршруту Москва–Хельсинки.

На последней советской станции в вагоне остались только мы втроем, да две проводницы. Представительница таможенного контроля с нашей стороны – миловидная девушка заверила нас, что спиртного мы везем в разрешенном объёме и пожелала счастливого пути. Прощай, Родина, здравствуй, заграница! Через 30 минут, уже в Финляндии, на пограничной станции финские – очень вежливые – таможенники на хорошем русском довели до нас, что уже больше года действует норма в две бутылки на одного взрослого гражданина. Мы растерялись: выливать излишки в туалет не хотелось, да и во время стоянки туалеты были закрыты. Решили подарить «лишние» бутылки таможенникам. Однако финны очень вежливо, но решительно отказались. Увидев нашу растерянность, дали совет сдать излишки в камеру хранения и забрать на обратном пути. Вероятно, мы были не первыми, с кем произошел подобный конфуз. Забегая вперёд, скажу, что через два месяца, возвращаясь домой, мы получили свой груз в целости и сохранности.

В Хельсинки нас прямо у вагона встретили сотрудники советского посольства и, выдав суточные на месяц, «пере-

дали на руки» финским военным. В качестве переводчика выступал капитан финской армии Хейно Лассе, впоследствии, по совместительству, ставший нашим водителем и экскурсоводом.

Прямо с вокзала мы поехали вглубь страны в г. Йювяскюля. Состояние дорог идеальное. Триста километров проехали за 2 часа 30 минут! В тот же день провели первое рабочее совещание. А следующим утром в 8.00 мы уже на объекте (сами финны начинали работать в 7.00). И первое изделие стоит в цехе. Но вот неувязка, изделия пришли, а документация задержалась. Так что первые четыре изделия сдавали на память и по записям, которые в нарушение всех инструкций, учитывая русский менталитет, сделали в записных книжках в период подготовки к командировке. Сдавали по одному изделию в день по всем переходам и паспортным характеристикам. Документация пришла только на четвёртый день нашей работы. Финны за ночь(!) перевели весь комплект на свой язык и составили паспорт, который мы заполняли в процессе работы. На пятый день в 16.00 вдруг поступила команда работы прекратить и переодеться. Нам пояснили, что сегодня будет сауна и товарищеский ужин, посвященный началу работ. Мы как истинно русские на всякий случай взяли с собой бутылку водки, чем привели присутствующих в неописуемый восторг. Финны тут же предложили нам пить ихнюю водку, оставив «Столичную» себе. После этого за столом наступило полное взаимопонимание, конечно, благодаря переводчику. Главный тост-речь произнес начальник объекта майор Хяся. Он что-то долго и убедительно говорил, потом Лассе в двух словах перевёл. Смысл выступления майора сводился к тому, что обычно присылают всякого рода партийных или военных функционеров с технической литературой, в которой те ничего не понимают, и вот, впервые, к ним приехали настоящие специалисты, у которых есть чему поучиться. Надо отметить, что и финская рабочая группа,

которую возглавлял капитан Валтонен, состояла из специалистов высокой квалификации и это признание дорого стоило.

Бытовые мелочи не раз напоминали нам, как далеко вперёд шагнула бывшая окраина Российской империи. Одним из первых курьёзов такого рода стала ситуация с водопроводным краном. Сейчас уже смешно вспоминать, но я добрых полчаса мучился около него, пытаясь извлечь воду. Сегодня же шаровым краном трудно кого-то удивить.

Телевизором с ДУ нас учил пользоваться Лассе. Тогда, помню, мы обалдели от обилия программ, их было 25, из них 8 круглосуточных, две спортивных, где транслировались матчи регулярных чемпионатов европейских стран по футболу, и матчи кубка Стенли по хоккею. Досаждала только реклама, 20 секунд рекламы на 30 минут трансляции нам казалось много. В первый раз, попав в город, мы были ошарашены ещё и тем, что стеклянные двери какого-то магазина сами открылись перед нами.

И всё же наибольшее уважение у нас вызвала техническая оснащённость цеха, в котором нам приходилось работать. Все знают, что главной деталью в пушке является ствол. Помните древние орудия? Это ствол и лафет с приспособлениями для наведения. Потом, в процессе эволюции, пушка приобрела колёсный ход, станины, люльку, противооткатные устройства, уравновешивающие механизмы, щитовое прикрытие, затвор, полуавтоматику, досылатель и многое другое. Но главным всё же остаётся ствол. На нашем заводе в то время для контроля размеров и качества изготовления канала ствола использовались «звёздки», механическая и оптическая. А вот финны во время приемки ствола поместили внутрь какой-то предмет (потом мы его прозвали «телезвёздка») и получили многократно увеличенное изображение канала ствола на мониторе в цвете и со всеми огрехами мехобработки. Больше того, прогнав эту штуку от дульного среза до казённой части, сняли с принтера распечатку размеров по

полям и нарезам через каждые 100 мм. Эти распечатки вклеивались в паспорта пушек. И всё-таки, несмотря на сверхточное передовое контрольно-измерительное оборудование, придраться финнам было не к чему: к чести наших заводчан следует сказать, что все размеры стволов были выполнены в пределах допусков. Замечания возникали в основном по качеству поверхности. Я тогда финнов убедил, что после первых выстрелов замечания исчезнут сами собой, а если пушка вообще стрелять не будет, то фиксировать замечания и смысла нет. Согласились.

В первый день работы нам показали два телефона в изолированных кабинках, откуда, как хозяева объяснили, можно звонить в любую точку мира. И вот через неделю подходит ко мне майор Хяся и говорит, что финская сторона обеспокоена тем, что мы ни разу не позвонили домой. При этом майор добавил, что если нас смущает стоимость звонков, то все расходы они берут на себя. Ситуация щекотливая, в Пермь звонить нельзя, мы же «живём» в Красноармейске, а в Красноармейск звонить некому, ведь мы там не живём. И я ляпнул, что перед самым отъездом мне дали квартиру и жена сейчас занимается переездом, а телефон ещё не установлен. На лице у майора выразилось крайнее удивление, как же так, такой хороший специалист и в возрасте (мне было тогда 38 лет) не имеет квартиры! На что я (понесло на враньё) пояснил, что квартира у меня была 3-х комнатная, но жена в положении и мне выделили 4-х комнатную улучшенной планировки. А Женя со Славой не звонят потому что, район, где они живут, переводят на новую АТС. Все успокоились и вопросов больше не задавали. Вот такими убогими мы выглядели.

И мы, и финская сторона деликатно обходили вопрос о городе и заводе, где изготовлены пушки. И вот однажды ко мне подходит пожилой финн в спецовке и знаками приглашает пройти за ним. Переводчик работал с Женей на ЗИПах, и я не стал его отвлекать. А объект, где мы сдавали пушки,

представлял собой войсковую ремонтную базу артиллерийских орудий и имел несколько цехов соединённых тёплыми переходами. Так вот в один из таких цехов мы и проследовали. Входим, смотрю, по центру цеха стоит М-46! Сразу же вспомнил инструкцию, что ни на какие вопросы, не связанные с непосредственным выполнением задания, не отвечать и никаких консультаций не давать. А ничего и не потребовалось. Мы подошли к орудию и финн указал мне выбитый на казеннике знаменитый мотовилихинский ромб – клеймо, свидетельствующее об окончательной приёмке. Потом мы с ним вернулись в цех, подошли к очередному орудию 2А36, и он мне снова указал на ромб на казённике, затем около минуты что-то вдохновенно говорил. Из его речи я понял только два слова «Мотовилиха» и «Ленинград». Я оцепенел и срочно задействовал переводчика. Лассе, переговорив с моим новым знакомым, объяснил, что этот специалист 17 раз был в Ленинграде по путёвкам выходного дня (путёвка выходного дня с дорогой, проживанием и питанием стоила столько же, как бутылка нашей «Столичной» в финском магазине «Алко»). И там посещал артиллерийский музей, у входа в который стоят два орудия М-46 и М-47 с такими же клеймами. Ему работники музея рассказали, что эти пушки выпущены Мотовилихинским заводом в Перми. Он отозвался с восторгом о боевых качествах М-46 и если пушки 2А36 выпущены тем же заводом, он радуется приобретению финской армии. Я что-то там говорил, что клеймо это ещё ничего не значит, что по документации одного завода можно выпускать продукцию на других заводах. По-моему, я их не очень убедил.

В работе и заботах шло время, и вот наступил день, когда в цех загнали последнее орудие. Мы уже собирали чемоданы, когда неожиданно пришло известие, что командировка продляется, так как на подходе еще один транспорт с 18-ю изделиями. Из Москвы приехал толстенный полковник

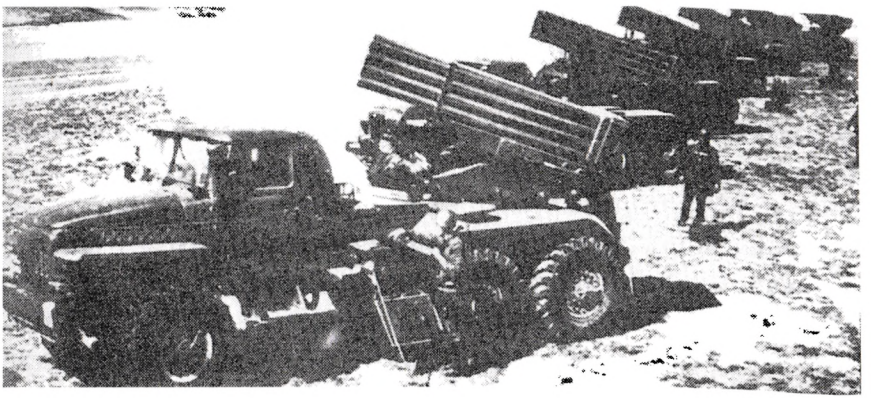
Боханов проверить как мы тут, выпил у нас весь запас водки и уехал. А мы приступили к сдаче второго транспорта. Всё было отлажено и вторую партию сдали без особых эксцессов. Финны прилагали огромные усилия, чтобы мы не скучали. Неделя была заполнена работой, а в выходные они старались нас развлекать. Обычно перед выходными Лассе говорил: «Удобно ли вам будет...» и дальше следовало предложение. Через это «Удобно ли вам будет» мы побывали на чемпионате Финляндии по зимним видам спорта, на автомобильных гонках по льду озера, в восстановительном центре для ветеранов войны (той зимней войны с СССР) с саунами, бассейном, кафе, теннисными кортами. Провели две встречи-занятия с участниками кружка по изучению русского языка. Ходили на лыжах и даже нам предлагали посетить ночной танцевальный клуб знакомств «Кому за 30», но мы мужественно отказались.

Но вот сдано последнее из 36 орудий, прощальная сауна, тосты по кругу с каждого присутствующего. Когда до меня дошла очередь, я пожелал всем удачи и высказал надежду, что орудия, которые они получили, никогда не будут направлены на юг и лучше пусть не стреляют вообще, а Слава, расчувствовавшись, предложил выпить за братство по оружию(!). Потом 4 дня в Хельсинки в ожидании поезда (в посольстве забыли про нас и билеты не купили) и вот поезд «Лев Толстой», граница, где мы получили из камеры хранения свой груз и – здравствуй, Родина! Лукавить не буду, признаюсь, что водку мы до Москвы не довезли. Потом – поезд «Кама» и дом!

Через некоторое время на завод поступили финские товары. Я не знаю подробностей контракта, то ли это был бартер, то ли частично бартер, но вскоре на заводе появилось немало людей в финских куртках. Иногда и сейчас, проходя по Мотовилихе, нет-нет, да и увидишь знакомую куртку. Финские куртки носятся долго, а как-то там у них наши пушки?!

«ЗАПАД-81»
(Светлой памяти В. А. Овчаренко)

Когда пришло известие, что меня и моего хорошего товарища Валерия Николаевича Герасимова включили в группу технической поддержки учений «Запад-81», мы обрадовались. Ещё бы! Предоставлялась возможность отдохнуть целый месяц за государственный счёт, да ещё и летом. Мы рассуждали: учения организованы для правительственных делегаций и руководителей военных ведомств стран- участниц Варшавского договора, поэтому техника там будет самая лучшая, исправная. Командиры частей привезут её на учения в образцовом состоянии, оставив «дома» неисправную, и мы там будем так, на всякий случай. Сомнения посеял Владимир Андреевич Овчаренко, руководитель нашей группы. Он сказал, что непременно найдутся командиры, которые соберут всё, что годами стояло у «забора» в полуразобранном состоянии, и на свой страх и риск привезут на учения. Эти «хитрые» знают, что техническую поддержку учений будут осуществлять «заводчаки» – так почему-то в войсках называли представителей промышленности – и восстановят всё, а «война», то есть учения, всё спишет. Тем более,



РСЗО «Град» (БМ-21) на учениях «Запад-81».

что для победы – достижения эффектной показухи – мы за ценой не постоим. К нашему великому сожалению, он оказался прав. И впоследствии, попадая в принимавшие участие в учениях части, убеждался, насколько прозорливыми оказались «хитрые». За два месяца учений они руками «заводчаков» привели технику в состояние, обеспечившее им спокойную службу на несколько лет вперёд. Зато «заводчакам» приходилось работать целый световой день, а иногда и те 3–4 часа, которые назывались ночью, без отгулов и выходных.

Владимир Андреевич Овчаренко.

Подполковник В. А. Овчаренко принадлежал к той плеяде командиров, про которых поэт сказал: «слуга царю, отец солдатам». И хотя мы были гражданскими, «членами профсоюза», как он нас называл, подчинялись мы ему беспрекословно. Это и обусловило выполнение огромного объёма восстановительных работ очень ограниченными силами непосредственно в период подготовки к учениям, да и во время учений. И когда подводились итоги, было отмечено, что отказов при боевом применении на нашей технике зафиксировано не было.

Прибыли мы в учебный центр в район поселка Дретунь, что в западной Белоруссии, под вечер и сразу же принялись за обустройство быта. Разместили нас в армейских палатках на 20 человек: два входа, две печки, два стола, 20 тумбочек и 20 кроватей. Старшему лейтенанту, коменданту палаточного городка, Владимир Андреевич внушал: «Лейтенант, это члены профсоюза, в отличие от нас с тобой они не привыкли к тяготам и лишениям воинской службы, поэтому им надо

обеспечить максимум комфорта, чтобы они не послали нас к чёрту и не уехали домой». И у нас появились два питьевых бачка, совершенно новое постельное белье и по два одеяла.

День начинался с утренней планёрки. Начальники РАВ, реже заместители командира полка по вооружению, а то и сами командиры начинали прибывать с шести утра и занимать очередь. В 7.00 из палатки к ним выходил Овчаренко, усаживался на пенёк, доставал свои записи и первый «покупатель» объяснял цель своего визита, опираясь на подробные описания неисправностей – Владимир Андреевич их быстро к этому приучил. В течение часа он выслушивал всех, анализировал свои пометки, расставлял приоритеты и делал разнарядку на работы. После завтрака нас развозили в полевые парки. Причём с каждым «покупателем» Владимир Андреевич проводил инструктаж, который сводился к тому, чтобы нас нормально и вовремя кормили, выделяли помощников, сколько попросим, чтобы накормили ужином и обязательно к 23.00 доставили в расположение. Вечером собирались, отчитывались о проделанной работе, прикидывали планы на завтра. Неисправности были самые разные: и просто поломки, и, зачастую, оплошности военных. Некоторые из них подполковник Овчаренко устранял, не вставая с пенька. Однажды приехал командир дивизиона и пожаловался, что на всех 18 орудиях 2С5 при проверке функционирования не разблокируется спусковой механизм. Владимир Андреевич сказал: «Людей посылать не буду! На одно-два орудия послал бы, а здесь явная ошибка ваших «нукеров». Скорее всего, при проверке функционирования у вас не были закрыты и задраены люки механика-водителя». Подполковник с тем и уехал и больше не приезжал.

По вечерам, когда случалось собраться вместе, Овчаренко наливал нам «наркомовские», так, по чуть-чуть, чтобы снять напряжение, и мы играли в преферанс. Владимир Андреевич в карты не играл, подсаживался к нам и доставал

свою записную книжку, где были сделаны выписки из прочитанных им книг. Наиболее понравившиеся моменты читал нам, завязывался разговор. Многое из его суждений я помню и сейчас. Он, например, говорил: «Володя, я опасаюсь иметь дела с непьющими людьми. Если человек не пил вообще, то у него, как у старой девы, больная психика. Если пил и бросил, он ещё опаснее: не знаешь, когда он снова сорвётся. Поэтому нормальный человек – это человек в меру пьющий. Ведь даже великий Твардовский утверждал, что лучшей частью человечества являются пьющие. Правда, с горечью отмечал, что и среди пьющих встречаются плохие люди».

Мне импонировала в этом человеке чётко определённая жизненная позиция. У него всегда было своё, часто противоположное общему, мнение обо всех жизненных событиях, явлениях, моментах. Во времена возвеличивания маршала Жукова он говорил: «Жуков – мясник! И если Сталин – палач народов СССР, то Жуков – палач советского солдата. Все его победы достигнуты ценой огромных, часто неоправданных жертв, а вовсе не полководческим талантом, а свои «Размышления и воспоминания» он переписывал каждый раз, когда менялось руководство партии, пристраивая очередного генсека в когорту авторов Победы».

Вот таким мне запомнился подполковник 1103 ВП МО Владимир Андреевич Овчаренко. Мы и раньше знали друг друга, но после учений «Запад-81» у нас с ним установились добрые дружеские отношения на всю оставшуюся жизнь.

Уже будучи начальником КБ ствольной артиллерии, прихожу как-то на рабочее место и вижу: поверх бумаг лежит записка секретаря заместителя главного инженера. Привожу её полностью.

«Володя, вас никого не было, звонил Зуев из 3628-го ящика, записала дословно.

Качество отработал, гвозди в норме, огурцы не дозрели на 200 атмосфер, но резвые, целкость 29, без выкидышей. Дальше Павлов в план не ставит, требует 2 карандаша 152 за первый квартал, уговариваю его отоспаться на Костине, наведите справки и сообщите. Командировка кончилась вчера, деньги ещё раньше. Плюснина отпустил».

Тогда эти полушифровки воспринимались вполне естественно. В обстановке строгой секретности открытым текстом не поговоришь, вот и выработался свой словарь. А по существу записки: ведущий инженер-испытатель танковой пушки 2А46-2 Зуев Владимир Валентинович, находясь на испытаниях на полигоне НТИИМ (п/я А-3628, п. Старатель, г. Н.Тагил) докладывает: отстрелял первую группу периодических испытаний – проверку баллистических характеристик ствола и проверку точности. Результаты следующие: характеристики бронебойно-подкалиберного выстрела в норме, крешерное давление осколочно-фугасных выстрелов меньше чертёжного на 200 атмосфер, но начальная скорость снаряда в норме. При проверке точности уложился в квадрат 29 (мм), снаряды легли кучно без отклонений. Заместитель главного инженера НТИИМ Павлов Николай Васильевич продолжать испытания не даёт, пока наш завод не отгрузит полигону 2 ствола 152-мм пушки 2А36 – задолженность по договорным поставкам ЗИП за первый квартал. Уговариваю его дать мне отстрелять до конца, а в заложницы поставки взять гаубицу 2А33 (ведущий Ю. П. Костин), которая при-

дёт на испытания следом. Напишите гарантийное письмо со сроками поставки двух стволов, продлите командировку и переведите деньги. Автомобиль КрАЗ (водитель цеха № 62 Г. Б. Плюснин) со стендом выехал в Пермь.

Надо отметить, что и «огурцы», и «гвозди», и «карандаши» были понятны только нам, специалистам. Посторонний человек мог лишь недоумённо пожать плечами, прочитав эту, по его мнению, галиматью. Так что код работал надёжно. И, кроме того, вряд ли поддавался расшифровке.

Содержание

Геннадий ВОРОНЦОВ. МОИ ИСПЫТАНИЯ 5
Как мы делали «Град» 6
Люди и судьбы 10
Начало 15
Как «расцветал» «Тюльпан» 20
Его судьба – завод 27
Непредвиденные обстоятельства 31
Ловушка 34
Случай под Белогорском 36
«Цветы» «Мотовилихи» 40
На смолинском полигоне 43
«Этих пушек не будет!» 46
Рождение «Свиристелки» 49
Хорошо быть генералом 56
На горизонте – Копет-Даг 60
Танки тоже ломаются 65
Акт, подписанный... в бане 70
Вместо эпилога 75
Владимир ФОТИН. ...ДО СЕВЕРНЫХ МОРЕЙ 77
Пушки, кошки и «режим» 78
Заграница 83
«Запад-81» (Светлой памяти В. А. Овчаренко) 90
Записка 94

ООО “Пермское книжное издательство”
Тираж 300 экз. Зак. №160.